

Юлия
Рябина

В его власти
БЫВШИЕ

Юлия Рябинина

Бывшие. В его власти

<https://litres.ru/74212868>

Аннотация

#####Я ехала в Сочи подработать на сезон.

Маленькая арендованная машина, ограниченный бюджет и десятилетний сын рядом.

Метель накрыла трассу внезапно. Связь пропала, навигатор завис, и единственным местом, где можно было переждать снегопад, оказалась горная турбаза.

Я не ожидала встретить там мужчину, от которого сбежала десять лет назад, украв его деньги.

Мужчину, который не знал о существовании сына.

— Не может быть...

Он сделал шаг. Потом ещё один.

— Я тебя искал. Десять лет.

Его руки сжали мои плечи.

И в этот момент раздался звон разбившегося стекла.

— Мужик, отпусти мою маму!

Книга участвует в Литмобе - "Снежный плен" Все книги литмоба можно найти здесь:

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Визуал	19
Визуал 2	20
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	55
Глава 7	75
Глава 8	86
Глава 9	95
9.2	102
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Глава 1

— Да чтоб тебя... да чтоб ты... — бубню сквозь зубы, когда машину в очередной раз ведет вбок.

Руль дергается, колеса пробуксовывают, а дворники, будто издеваясь, лениво размазывают по лобовому стеклу мокрый снег, превращая дорогу в мутную серую кашу. Видимости метров пять, не больше. И то, если вдавливать пальцы в лобовое стекло.

— Мам, — раздаётся с заднего сиденья строго и укоризненно. — Тебе нужен рот помыть с мылом.

Я замираю на секунду, потом фыркаю и все-таки смеюсь.

— Артём, я не матерюсь, я... выражаю эмоции.

— Ты сказала «чтоб тебя», — невозмутимо отвечает он. — Это почти как материться.

— Почти не считается.

— Считается, — уверенно кивает он и тоже улыбается. Я бросаю на него взгляд в зеркало заднего вида. Капюшон надвинут на лоб, глаза блестят, щеки покраснелись от тепла печки. Он спокоен. Собран. Как будто мы не посреди снежной трассы, а едем куда-нибудь за мороженым. Полная моя противоположность.

— Все будет нормально, — говорю я скорее себе, чем ему. — Сейчас выберемся.

Машина маленькая. Я бы сказала, что совсем малютка для

такой дороги, для такого снега и для моих нервов. Я и так знала, что брать ее не лучшая идея, но когда смотришь на ценник в прокате и на цифры на карте, выбор как-то делается сам собой.

Внедорожник стоил почти в два раза дороже. А у меня каждая тысяча на счету. Каждая.

Перекантоваться. Заработать. Вернуться.

Повторяю как мантру. Это был простой и логичный план, ровно до сегодняшнего дня.

Я сильнее сжимаю руль, стараясь держать машину по колее. Снег валит стеной. Мокрый, тяжелый, липкий. Он летит прямо в стекло и тут же тает, превращаясь в грязные потеки.

— Рррр, да остановись ты уже, — говорю громко и бью об руль ладонями.

Навигатор что-то бормочет, теряя сигнал, стрелка скачет, как ненормальная.

— Мам, мы скоро приедем? — спрашивает Артём.

— Скоро, — автоматически отвечаю я, хотя понятия не имею, насколько это “скоро”.

Вообще-то я должна была быть уже почти на месте. Подруга писала, что от трассы там совсем недалеко. Полчаса и ты на базе. Но это было без метели, без вот этого ада за окном и без арендованной коробчонки, которая явно не рассчитана на горные дороги.

Телефон на панели мигает значком отсутствующей связи. Интернет пропал окончательно.

— Отлично, — бормочу я. — Просто прекрасно. Чтоб тебя...

Артём снова смотрит на меня через зеркало.

— Мам, ты опять...

— Все, все, молчу, — вздыхаю я. — Обещаю.

Он довольно улыбается и отворачивается к окну, пытаясь разглядеть что-нибудь в белой пелене.

Мы едем в Сочи. На горнолыжный сезон, как сказала подруга. Людей много, работы хватает. Горничные нужны всегда. Платят нормально, особенно если не выпендриваться и брать дополнительные смены.

Я не строила иллюзий. Это не отпуск, не новая жизнь и не побег от прошлого. Это просто возможность заработать денег. Немного выдохнуть. Переждать.

Из Краснодара мы уехали рано утром. Я думала, успеем до темноты. Думала, что прогнозы, как обычно, преувеличивают.

Но как же я ошиблась.

Машину снова ведет, я сбрасываю скорость почти до черепашьей. За окном сплошная белая пустота. Дорога словно исчезает под слоем снега.

Навигатор пищит и вдруг гаснет.

— Нет-нет-нет... — я нервно тыкаю в экран. — Только не сейчас. Пожалуйста...

— Что случилось? — тут же напрягается Артём.

— Ничего, — говорю я слишком быстро. — Просто...

связь плохая.

Я кое-как съезжаю на обочину, включаю аварийку. Сердце колотится где-то в горле.

Так. Спокойно. Без паники.

Я глубоко вдыхаю, потом выдыхаю. Снова запускаю навигатор. Экран долго думает, потом все-таки оживает, показывая какую-то точку впереди.

Турбаза.

Я шурю, пытаюсь разглядеть название, но снег заливает на стекле мгновенно и я тут же отвлекаюсь. Плевать, других вариантов у нас всё равно нет.

— Мам, мы там остановимся? — спрашивает Артём.

— Видимо, да, — киваю я. — Переждём снегопад.

Дорога к базе оказывается узкой и извилистой. Машина ползет, как улитка. Я ловлю себя на том, что почти не дышу, пока впереди наконец не появляются огни.

Свет. Настоящий, теплый.

— Ура, — выдыхает Артём. — Мы спасены?

— Почти, — улыбаюсь я, чувствуя, как напряжение чуть отпускает.

Турбаза выглядит... обычной. Несколько домиков, большой общий корпус, свет в окнах, следы машин на снегу. Люди здесь есть. Это сразу успокаивает.

Я подъезжаю ближе, глушу двигатель и сижу пару секунд, просто приходя в себя.

— Пошли, — говорю я. — Узнаем, есть ли у них свобод-

ные места.

Перед тем как зайти обращаю внимание на название турбазы “Красная Поляна”. Хм, оказывается до нашего конечного пункта отсюда еще километров тридцать. Я адекватно понимаю, что малютка вряд ли бы в такую погоду их осилила.

Нас встречают без лишних вопросов.

— Снегопад, обещают сильный. Дорогу могут закрыть на ночь, а то и на пару дней.

Переговариваются между собой работники.

— Самый недорогой домик? — уточняет администратор.

— Да. Нам подойдет, — киваю я без колебаний.

Оформление происходит быстро. Нам выдают ключи и паренек накинув куртку предлагает проводить нас до временного жилища.

Домик маленький, но теплый. Две кровати, стол, чайник. Мне этого более чем достаточно.

Мы пьем горячий чай, Артём ест бутерброды, которые я предусмотрительно взяла с собой. За окном воет ветер, снег бьется о стены, будто пытается прорваться внутрь.

— Мам, — говорит Артём, зевая. — Мы тут надолго?

Я смотрю на окно, за которым белая мгла становится только плотнее.

— Ненадолго, — отвечаю я, хотя внутри что-то неприятно сжимается. — Как только погода наладится, поедем дальше. Тут совсем недалеко.

Когда мы немного отогрелись и пришли в себя, я предлагаю Артему маленькую прогулку, потому что вижу, что сыну совсем скучно. Связи нет. Интернета нет. Артем сразу же соглашается.

Под нескончаемым снегопадом, мы добираемся до общего дома. Там шумно, и неожиданнолюдно. Пахнет едой и мокрой одеждой. Кто-то смеется, кто-то ругается, обсуждая дорогу. Обычные люди, обычные разговоры. Я ловлю себя на странном чувстве будто я здесь чужая. Не лишняя, нет. Просто... не на своем месте.

Мы возвращаемся в домик, когда уже совсем темно. Артём быстро засыпает, свернувшись калачиком под одеялом.

Я выключаю свет и остаюсь сидеть в темноте, прислушиваясь к завыванию ветра.

Снег не прекращается. И почему-то мне кажется, что эта остановка совсем не случайна.

Где-то неподалеку слышится звук подъезжающих машин. Суета. Голоса. Видимо кто-то как и мы решили переждать непогоду в этом месте.

Я невольно прислушиваюсь, чувствуя, как тревога снова поднимается где-то внутри. Что-то здесь не так. Не могу понять... что, но давящее чувство за грудиной не дает успокоиться.

— Всего несколько дней, — говорю я себе. — Просто переждать метель и мы уедем.

**Мои хорошие! Мы с девочками решили организо-
вать для вас новогодний литмоб!
 СНЕЖНЫЙ
ПЛЕН!
 Истории о зимних приключениях аб-
солютно незнакомых людей, попавших в снежный
плен.
 А мы с Музом вдохновившись, решили под-
хватить эту замечательную идею и порадовать вас ин-
тересной захватывающей историей!
 Присоеди-
няемся! Будет по зимнему интригующе!
 Добавля-
ем книгу в библиотеку и отсылаем ей снежных звез-
дочек! #####**

Глава 2

Открываю глаза. Сразу беру телефон в руки, чтобы посмотреть который час. Девять. Странно почему не прозвонил будильник? Потом почти сразу вспоминаю, что сама же его и отключила, чтобы не разбудить Артёма. Лежу несколько минут затаив дыхание, прислушиваясь к тишине в гостиничном домике. И здесь нет той уютной тишины, когда снег укутал все и мир стал мягким. Нет, здесь тишина, в которой слышно, как где-то вдалеке скрипит металл, как ветка царапает стену, как по крыше с глухим стуком сползает пласт снега.

Я встаю, медленно веду взглядом по комнате. Обогреватель тихо гудит. В домике тепло. Артём спит, раскинув руки, сбросив одеяло на пол. Я делаю шаг в его сторону, подтягиваю его, накрываю.

За окном светло. Я подхожу к окну выглядываю и замираю в удивлении. Весь двор завален снегом. Белая глыба вместо вчерашней дорожки, белые сугробы вместо парковки, и на месте моей машины просто большая, неровная куча, в которой угадываются лишь очертания капота.

— Мам... — сонно тянет Артём. — Мы что, застряли?

— Пока да, — говорю я и заставляю себя улыбнуться. — Но мы сейчас всё узнаем.

Он садится, трёт глаза, смотрит на окно и тихо присви-

стывает.

— Ничего себе...

Я пытаюсь включить телефон. Связи по-прежнему нет. Интернет не появляется даже на секунду.

— Отлично, — шепчу я и ловлю себя на том, что хочется сказать что-то покрепче. Но вовремя вспоминаю вчерашнее “мыло”.

Артём уже улыбается, будто читает мои мысли.

— Мам, — предупреждающе.

— Я молчу, — поднимаю руки. — Я вообще пример для подражания.

Он хмыкает и идет умываться.

Я натягиваю свитер, куртку, шапку, перчатки это увы все, что есть. Пальцы начинают мерзнуть заранее, в домике, потому что мне уже холодно от одной мысли: *что арендованная машина могла как-то повредиться*. В мыслях проскакивают слова менеджера: *любые повреждения оплачиваются клиентом*.

Я не хочу даже представлять, что будет если кто-то въедет в нее, если она просто замерзнет и не заведется.

Артём выходит следом, застегивая куртку.

— Я с тобой.

— Нет, — автоматически отвечаю я. — Ты лучше... — и замолкаю. Потому что понимаю: “лучше” тут ничего нет.

Он смотрит на меня уперто. Как всегда, когда решил.

— Я с тобой, мам.

— Ладно, — сдаюсь. — Но близко к машинам не подходи, хорошо?

Он кивает, и мы выходим на улицу.

Холод обжигает лицо сразу. Воздух плотный, влажный, пахнет снегом и дымом где-то видимо топят баню. Снег хрустит под ногами, но местами проваливается, и я буквально вытаскиваю себя из сугробов, прокладывая короткую тропинку к своей машине.

Она стоит в стороне, под фонарем, и выглядит так, будто ее закопали специально. Я подхожу ближе, беру щетку, которую вчера выдали на ресепшене, и начинаю счищать снег.

Сначала с лобового. Потом с крыши. Потом с боковых стекол.

Снег липнет к перчаткам, забивается под рукава. Лобовое стекло покрыто льдом. Я дышу на него, скребу пластиковой карточкой, потому что щетка не берет. Мне хочется плакать от бессилия.

Артём стоит рядом, переминается с ноги на ногу, смотрит по сторонам.

Во дворе уже есть люди. Кто-то тоже откапывает машину. Кто-то идет к общему дому с кружкой в руке. Кто-то ругается, потому что не может открыть дверь, потому что все замерзло.

Я слышу обрывки разговоров: «дорогу перекрыли», «чистить будут к обеду», «нет, не будут», «сказали — лавиноопасно».

Слово «лавиноопасно» цепляет и остается где-то в голове, как заноза.

Я сильнее тру стекло. Щетка скрипит.

— Мам, — вдруг тихо говорит Артём. — Смотри...

Я поднимаю голову.

У ворот базы кто-то подъезжает. Большой чёрный внедорожник, высокий, тяжелый, как танк, медленно проталкивается по снегу. За ним еще один. И еще. Люди оборачиваются. Кто-то начинает махать руками, показывая, куда ставить.

Я почему-то чувствую, как у меня стягивает живот. Просто так. Без причины.

Не мое дело. Мне бы свою машину откопать. Пару дней и мы уедем. Все остальные меня абсолютно не интересуют.

Я опускаю взгляд и снова принимаюсь за стекло.

И в этот момент слышу голос.

— Не может быть...

Он звучит спокойно. Низко. Со стороны.

Щетка замирает у меня в руках.

Мое тело реагирует раньше чем в голове что-то сформировалось адекватного. Будто кто-то дернул за нитку внутри. Я медленно выпрямляюсь, не поворачиваясь. Смотрю на свое отражение в стекле: бледное лицо, шапка, пряди волос, выбившиеся из-под нее. Я стала другой. Это правда. Я давно не та девочка.

Но голос...

Я не успеваю додумать мысль.

— Это... ты?

Я резко оборачиваюсь.

Он стоит в нескольких шагах. Высокий. В темной куртке. Без шапки. Снег падает ему на плечи, но он не стряхивает. Он смотрит прямо на меня так, как смотрят, когда не верят своим глазам.

И я узнаю его. Не потому, что он не изменился. Он изменился. Сильно. Лицо стало жестче. Черты резче. Виски чуть поседели. Но взгляд... взгляд тот же.

Мне хочется сделать шаг назад. Но ноги будто вросли в снег.

Он делает шаг вперед. Потом еще один.

Я слышу, как Артём что-то говорит, но звук проходит мимо. В ушах гудит кровь.

— Марат... — вырывается у меня едва слышно.

Имя садится на язык горько, как лекарство.

Он подходит почти вплотную. Я чувствую его тепло, его дыхание. Слишком близко.

— Неужели, — говорит он, и в этом слове нет радости. Там другое. Там то, от чего у меня сводит пальцы. — Неужели это ты.

Я пытаюсь выдавить хоть что-то. Хоть «привет». Хоть «показалось». Но голос не слушается.

Марат Громов смотрит на меня так, будто проверяет на реальность. Будто я призрак, который вдруг стал плотью.

И вдруг, совсем неожиданно, он резко выбрасывает руки

вперед и мои плечи оказываются в тисках его пальцев. Он сжимает крепко. Без нежности. Он тянет меня к себе так, что я едва не спотыкаюсь.

Лицо к лицу.

— Я тебя искал, — говорит он тихо.

Я моргаю. Снег липнет к ресницам.

— Десять лет, — добавляет он. И на секунду в его голосе появляется что-то... живое. Но это не тепло. Это ярость, которую держат под контролем.

Я пытаюсь вырваться, но пальцы на моих плечах сжимаются сильнее.

— Отпусти... — наконец выдавливаю я.

Он будто не слышит. Наши взгляды скрещиваются и расстояние между нашими лицами остается минимальное, как вдруг в этот момент раздается звон.

Громкий, резкий, будто воздух разрежали ножом.

Стекло. Мы одновременно поворачиваем головы.

У внедорожника, который только что заехал на базу, разбито боковое стекло. Осколки блестят на снегу. Рядом стоит Артём, с камнем в лопатой в руках, и смотрит на Марата так, будто готов броситься на него.

— Мужик! — кричит он сорванным голосом. — Отпусти мою маму!

Люди вокруг замирают. Кто-то ахает. Кто-то ругается.

Я делаю шаг к сыну, но Марат держит меня.

И тут рядом появляется девушка.

Высокая, белобрысая, в дорогой куртке. Она подлетает к Артёму, хватая его за рукав, резко дергает на себя, удерживая так, будто он не ребенок, а грязный щенок, который попытался укунить ее.

— Ты что творишь, дикарь?! — её голос звонкий, злой.
— Ты вообще ненормальный?!

Артём пытается вырваться, но она держит крепко.

Я слышу собственное дыхание: оно рваное, громкое. В груди образовывается холодная ярость.

— Отпусти его! — выкрикиваю.

Марат переводит взгляд на Артёма.
Медленно, смотрит на него долго, не говоря ни слова. Потом разжимает пальцы.

Я дергаюсь вперед и подбегаю к сыну, закрывая его собой.

Во дворе стоит тишина. Даже ветер будто стих. И мелкий снежок перестал сыпать.

— Кира, — говорит Марат спокойно. — Отпусти мальчика.

Она нехотя отпускает Артёма.

Он не смотрит на меня. Не смотрит на нее. Его взгляд сосредоточен на ребенке.

— Что здесь происходит?

Прорезает образовавшуюся завесу тишины громкий вопрос.

Голос звучит сбоку. Я поворачиваюсь туда откуда исходит звук.

К нам быстро подходят двое. Один в форме администратора, второй — высокий, в темной куртке, без опознавательных знаков. Он ничего не спрашивает, просто смотрит, оценивает ситуацию.

Марат отступает от нас на безопасное расстояние.

— Разбили стекло. Все вышло случайно. — говорит он спокойно. — Это мой автомобиль. Расходы возьму на себя. Никаких претензий у меня нет.

Администратор кивает, что-то записывает.

— Пойдем, — говорю я Артёму и увожу его, не дожидаясь продолжения.

Я чувствую взгляд. Не Марата. Другой. Более цепкий, пронизывающий.

Визуал

Оленька и Артем

Артем жметя ко мне, и я не разжимаю рук.

Здесь слабость чувствуют сразу. А я не позволю им понять, что мой сын - уязвимое место!

**Продолжение уже скоро!
 Чтобы не потеряться - добавляйте книгу в библиотеку и согрейте историю снежными звездочками #####**

Визуал 2

КИРА и МАРАТ

— Дорогой, — сказала Кира тихо, не отрывая взгляда от столовой. — Кто эта девка и щенок? И почему ты позволил им уйти безнаказанно?

Она сидела рядом, выпрямив спину, будто место возле него было закреплено за ней навсегда. Блондинка, ухоженная, холодная. Снаружи, спокойствие. Внутри, раздражение.
Марат не ответил сразу. Он пил кофе, смотрел мимо, туда, где смех "щенка" резал слух сильнее любого шума.
— Не твое дело, — сказал он наконец спокойно.
Кира усмехнулась.
Ей не нужно было объяснений. Она слишком хорошо знала этот тон.
Если Марат молчит, это значит, что-то уже под его контролем.
Даже если этот кто-то об этом пока не догадывается.

Глава 3

Мы идем быстро. Не оглядываясь. Тропинка уже протоптанная, знакомая.

Артём идет рядом сжатый, как пружина. Я чувствую это по его руке он не вырывается, не ноет, не задает вопросов. Просто идет упрямо вперед.

— Всё, — говорю я негромко, когда мы заходим в домик и закрываем дверь. — Всё нормально.

Это неправда. И он это знает. Я снимаю куртку, бросаю её на стул, потом спохватываюсь, подхожу к нему и приседаю, чтобы быть на одном уровне с ним. Глаза в глаза. Беру его за руку.

— Ты не должен был... — начинаю я и останавливаюсь.

Он смотрит на меня. Губы сжаты. Глаза темные, злые.

— Он тебя схватил, — говорит Артём. Это не вопрос, а констатация факта.

— Зай, я справилась бы. Я взрослая.

— Он не имел права.

Вот тут меня накрывает. Мой мальчик. Мой сын. Мой маленький защитник. Где-то щемит от гордости за то, что у меня растет такой сын.

Я тяну его к себе, прижимаю, зарываюсь лицом в его шапку. Он сначала напряженный, потом медленно обмякает, кладет мне подбородок на плечо.

— Я знаю, — говорю я тихо. — Ты молодец. Но больше так не делай. Обещаешь?

Он молчит пару секунд, потом нехотя кивает.

— Обещаю, — говорит и добавляет: — Но если он ещё раз...

— Не будет, — перебиваю я. — Обещаю, что такого больше не повторится.

Слова даются тяжело. Потому что я не уверена. Хотя я уверена, что обманываю сейчас Артёма. Марат так просто меня, нет нас, не оставит. Теперь нет.

Через полчаса мы идем в общий дом за завтраком и, чтобы не сидеть взаперти. Я специально выбираю это время: когда ужелюдно, шумно, когда можно не бояться остаться один на один с Маратом, если вдруг встретимся невзначай.

Артём идет чуть впереди. Я ловлю себя на том, что считаю шаги между нами слишком близко не держусь, слишком далеко не отпускаю. Соблюдаю дистанцию. Оставляю немного воздуха между нами.

В столовой тепло. Пахнет кофе, свежей выпечкой и мокрыми куртками. Люди шумят, громко смеются, кто-то обсуждает дорогу, кто-то погоду. Тема погоды актуальная до сих пор. Я обвожу столовую взглядом. Не замечая никакой опасности, мы снимаем куртки и садимся за пустой столик. Я почти расслабляюсь. Но вдруг, ощущаю нарастающее давление между лопаток. В грудной клетке сердце начинает биться тяжелее. Черт. Как я упустила? Как я не заметила его?!

Я сдерживаю порыв, чтобы повернуть голову туда, откуда исходит напряжение. Я знаю наверняка, что если поверну голову подтверждаю то, о чем стараюсь не думать.

— Ну что, готов? — натягиваю улыбку, спрашиваю Артёма. Тот кивает головой.

Мы берем подносы. Идем к раздаче. Я накладываю Артёму кашу, он тянется за булочкой. Все выглядит, как обычно. Мы возвращаемся к столику. Я так и не осмелилась глянуть в ту сторону, где по моим меркам должен находиться Марат.

— Оля.

От неожиданности вздрагиваю. Дергаю головой. Марат стоит сбоку, на расстоянии пары шагов. Куртка расстегнута, под ней темный свитер. Лицо спокойное. Ни намек на те эмоции, которые были у него утром. В руках дымящаяся кружка с кофе.

— Привет, — говорит он, будто мы просто знакомые.

— Привет, — отвечаю я после короткой паузы.

Я не представляю его Артёму. Он не делает шага ближе.

— Не против?! — он кивает на свободный стул за нашим столом.

Это не звучит как вопрос, это звучит как предложение, от которого неудобно отказаться на глазах у людей.

— Мы хотели бы позавтракать вдвоем... — начинаю я.

— Я ненадолго, — спокойно говорит он.

Артём стоит рядом и молчит. Я чувствую его напряжение кожей.

— Ладно, — говорю я. — Артём, ты долго будешь стоять?
— переключаюсь на сына, в попытке хоть как-то разрядить обстановку. Артём плюхается на стул. Взглядом упирается в поднос.

Марат садится сбоку, так, чтобы видеть нас обоих.

— Ты здесь надолго? — спрашивает он, глядя на меня, но будто между делом.

— Пока дорогу не откроют.

— Понятно.

Он делает глоток кофе, смотрит в окно. Пауза затягивается. Мне хочется заполнить ее чем угодно, но я не делаю ничего.

— Ты изменилась, — говорит он вдруг.

— Все меняются.

— Не все.

Он снова смотрит на Артёма. Не в упор. Скользящим взглядом, как будто между прочим.

Артём поднимает взгляд.

— Мам, я сяду туда? — показывает на стол у окна, где сидят ребята постарше.

Я колеблюсь секунду.

— Хорошо. Только будь наведу.

Он кивает, забирает поднос с завтраком и уходит.

С его уходом пространство между мной и Маратом будто сжимается до минимума.

— Он смелый, — говорит Марат.

Я не отвечаю.

— И упрямый.

— Он обычный ребенок. Как и многие в его возрасте.

— Конечно, — соглашается он легко. — Просто наблюдение.

Он не спрашивает больше. Хотя я жду... И жду именно вопроса про Артёма. Но он молчит. И это меня напрягает. Заставляет нервничать.

— Ты одна приехала? — спрашивает он спустя паузу, все тем же спокойным тоном, как будто проверяет не ответ, а мою реакцию на его прямолинейность.

— Да.

— Мужа нет?

Он делает глоток кофе, лениво смотрит по сторонам, с тем намеком, что вопрос был задан чисто из любопытства.

— Нет.

Он вдруг фиксирует взгляд на мне. Смотрит пристально, не оценивает, а как будто запоминает то, что я говорю.

— Я так понимаю в этом месте ты не случайно оказалась? У тебя здесь нарисовалась какая-то цель?

— Каким образом вас это должно интересовать?

— Вас?! — Уголок его губ едва заметно дергается.

— Да, Вас. — Делаю акцент на последнем. — Мне кажется, вы немного переходите личные границы.

— Нет, дорогая, — говорит он спокойно. — Я просто хочу понять, где они проходят, — губы растягиваются в хищной

ухмылке.

Я чувствую, как по спине проходит холодок.

— Вам пора, — цежу сквозь сцепленные зубы.

Но Марат, как будто не слышит меня, продолжает рассматривать пристально. Почти в упор.

— Правда забавно, — произносит он так тихо, чтобы слышала его только я. — Как судьба иногда сводит людей. А особенно тех, кто предпочел, когда-то исчезнуть.

— Вам пора, — повторяю более настойчиво.

Он встает.

— Мы еще поговорим, — говорит он абсолютно спокойно. — Я найду тебя сам.

Я проглатываю слово “нет!”, которое рвется наружу и молча, провожаю его спину взглядом. Марат уходит так же как и появился: резко, неожиданно.

Не создавая лишнего волнения вокруг себя.

— Чёртов засранец, — цежу сквозь зубы и сразу же оглядываюсь на столик, за которым сидит Артём.

Мне нужно убедиться, что он ничего не заметил.

И какое же облегчение накрывает, когда понимаю: Артём так увлечен разговором, что почти не обращает на меня внимания.

— Ох... — срывается с губ, когда пальцы внезапно сводит неприятной болью.

Я только сейчас осознаю, что все это время сжимала вилку с такой силой, что их просто свело.

Закусываю губу и медленно разжимаю руку. Несколько секунд жду, пока пальцы снова обретут чувствительность, и, будто ничего не произошло, продолжаю ковыряться в еде. Аппетита нет, но перед сыном нужно сохранить видимость, что все в порядке. Не хочу его расстраивать. Ему сейчас хорошо. Весело.

Я наблюдаю, как он болтает с мальчишкой, который так же как и Артём, подсел к столу. Мальчишка чуть старше Артёма, и на голову выше, темноволосый, в теплой кофте под курткой. Они смеются, перебивают друг друга, спорят о какой-то ерунде: про игру, про снег, про то, кто сильнее бросает снежки.

Я смотрю на сына и вдруг понимаю, что напряжение отпускает. Пространства вокруг будто становится больше. Воздух ощутимо легче, и снова наполняется запахами еды.

А потом вдруг снова резко, как удар исподтишка, я чувствую взгляд. Не прямой. Не в лоб, он липкий и от него по коже бежит неприятный холодок.

Я не сразу понимаю откуда именно он исходит. Инстинктивно оглядываюсь.

Первый на кого обращаю внимание, Марат. Но мужчина не смотрит на меня. Он стоит в стороне, говорит с кем-то по телефону, одновременно делает глоток кофе, у него вид такой, как будто меня вообще здесь нет.

Взгляд скользит дальше и спотыкается о его спутницу... Кира по-моему?!...Эта девушка даже не пытается изобра-

жать равнодушие. Она сидит за столом, чуть развернутая ко мне, и смотрит в упор. Долго. Хамски. Будто я не человек, а грязное пятно на ее белой шубке. Без стыда, без совести и без единой попытки спрятать взгляд.

Я держусь минуту. Две. Три... А потом понимаю: сейчас либо я молча встану и уйду, либо скажу что-то такое, за что потом будет стыдно перед Артёмом.

Я сглатываю невысказанные грубости, громко отодвигаю тарелку.

— Артём, — говорю ровно. — Пойдем. Нам нужно вернуться.

Он хмурится.

— Мам, ну мы же...

— Потом, — обрываю я много мягче, не давая эмоциям отыграться на сыне. — Дома договорим. Ладно.

Мальчишка смотрит на Артёма и пожимает плечами спокойно, без обиды. Артём вздыхает, и встает. Я беру его за руку подталкиваю к вешалке на которой висит наша одежда. Мы быстро одеваемся и выходим.

На улице сразу щелкает холодом по лицу. Я делаю вдох. Потом еще один. Морозный воздух падает в легкие, обжигает изнутри и немного отрезвляет. Эмоции медленно отпускают.

Мы идем молча. Артём пару раз пытается заговорить, но я на автомате отвечаю односложно. Мне нужно добраться до домика. Закреть дверь. Убедиться, что мы в безопасности,

пусть даже во мнимой.

Внутри действительно становится легче. Я закрываю дверь, снимаю куртку и бросаю ее на спинку стула. Артём стягивает шапку, взъерошивает волосы.

— Мам, ты чего? — спрашивает он наконец.

— Ничего, — отвечаю и сразу понимаю: голос звучит не так, как должен. Слишком напряженно. — Просто устала.

— Тебя опять расстроил этот мужик?

— Артём, хватит, — обрываю резко.

Он округляет глаза, смотрит внимательно, будто ждет продолжения. Но я вместо этого валюсь на кровать и вдруг замечаю красную лампочку на телевизоре. Значит, все-таки работает. Прекрасно.

— Извини, Артём. Я переборщила, — говорю уже мягче.

— Дашь пульт?

— Я так и знал, что тебя не нужно было оставлять с этим муж...

— Артём. Пульт, пожалуйста.

— Ладно, — сдается он.

Через минуту я уже шелкаю каналы, выискивая что-нибудь нейтральное. Нахожу сериал.

Артём падает на кровать и закатывает глаза.

— Мам, ну это скучно...

— Тебе не обязательно смотреть, — стараюсь звучать проще. — Можешь... почитать или...

— Тут даже нормального интернета нет, — бурчит он.

Я улыбаюсь краешком губ. Получается вымученно, я это чувствую.

И в этот самый момент раздается стук в дверь.

Один. Потом второй. Я вскакиваю так резко, что пульт падает на пол.

Артём замирает, будто его выключили. Стук повторяется уже увереннее.

— Мам... — шепчет он и тут же выпрямляется. В глазах появляется тот самый огонек, который возникает, когда он решает, что сейчас будет защищать. — Если там этот мужик... я ему сейчас скажу пару ласковых. Чего он к нам привязался?!

— Артём, стой, — делаю шаг к нему, но опаздываю.

Сын оказывается у двери раньше меня. Я не успеваю ни схватить его за плечо, ни остановить словами.

— Артём! — говорю еще раз.

Но он уже распахивает дверь. На пороге стоят двое.

**Немного разбавим напряжение визуалом.
**

Продолжение уже скоро. Не теряемся...

Глава 4

Еще визуальчик! Не смогла удержаться, так подходит к сцене!

...На пороге стоят двое.
 Мужчина и ребенок. Мальчишку я узнаю сразу это тот самого, что болтал с Артёмом в столовой. Он уже протискивается вперед, улыбается Артёму так, будто они знакомы сто лет, а не пару часов. А вот мужчина...

Я смотрю на него несколько секунд, прежде чем узнавание складывается в голове.

Да. Точно. Этого мужчину я видела вместе с администратором. Он стоял чуть в стороне, когда разбирались с разбитым стеклом.

Высокий. Широкие плечи заполняют дверной проем почти полностью. Темная куртка расстегнута, под ней плотный свитер, натянутый на груди, четко очерчивает спортивное, атлетически сложенное тело. Длинные ноги, уверенная стойка, будто он привык стоять так, чтобы в любой момент сделать шаг вперед и перейти к делу.
 Поднимаю взгляд чуть выше. И смотрю в спокойное лицо. Четкая линия бровей, прямой нос, жесткий подбородок. Короткая щетина подчеркивает скулы. Глаза темные, внимательные не бегают, не шарят по мне, а смотрят прямо, без наглости, но и без за-

искивания.
Он открывает рот первым.

— Добрый день. Извините за вторжение, — говорит ровным, низким голосом. — Но сын никак не отставал. Хотел поиграть с Артёмом. Надеюсь вы не против?

Непротив? Я? Конечно же я против. Я не хотела бы, светиться здесь, учитывая новые обстоятельство, но...
 Пока мы стоим в дверях, мальчишки уже оказываются внутри. Сбрасывают куртки на пол, смеются, что-то наперебой рассказывают друг другу. Домик наполняется детским шумом так быстро, будто всегда для этого и был предназначен.

Я нехотя отступаю на шаг, пропуская мужчину.

Он делает полшага вперед и, останавливается, не переступая порог полностью. Окидывает взглядом комнату. Две кровати, небольшой столик, вешалку, телевизор на стене.

— Я вижу, у вас тут немного места, — произносит он спокойно.

Мне вдруг задевают его слова. Внутри мгновенно щелкает что-то защитное.

— Мы здесь проездом, — отвечаю я чуть резче, чем собиралась. — И я не вижу смысла снимать большие апартаменты.

Он даже бровью не ведет.

— Да, я знаю, — говорит так, будто это вообще не тема для спора. — Я хотел сказать другое. Если вы не против, я бы забрал Артёма.

Я напрягаюсь.

— Что значит забрал?

— В главном корпусе есть игровая комната, — продолжает он. — Думаю, детям там будет чем заняться. А вы как раз сможете отдохнуть.

— Нам и вместе с Артёмом неплохо, — отвечаю я, не отпуская его взгляд. — Надеюсь, скоро расчистят дороги, и мы поедем дальше.

Он смотрит на меня внимательно. Без сочувствия. Без жалости. Просто во взгляд вкладывает то, о чем я видимо пока не знаю. И сейчас сморозила глупость.

— Об этом можете забыть на ближайшие несколько дней. Это как минимум, — говорит он спокойно.

— А какой максимум? — срывается голос.

— Неизвестно. Метель снова начнется к вечеру. Технику сейчас перебросили на отдельные участки, там не выдержали столбы, — он говорит буднично, будто говорит о вещах, которые тут происходят регулярно. — Несколько деревень остались без света. Так что вам лучше смириться с тем, что вы здесь задержитесь.

— О нет... Это плохо. Очень плохо.

Нервы вдруг выходят на другой уровень взвинченности.

— Что-то случилось?

— У меня назначена встреча, — говорю я быстро. — Если я задержусь... я останусь без работы.

Слова вылетают прежде, чем я успеваю их остановить.

Я тут же прикусываю язык. Зачем я вообще это сказала?

Он незнакомец и какое ему дело до моих проблем?

Но мужчина чуть склоняет голову. Приподнимает бровь:

— Вы приехали на работу?

У меня же в голове крутиться не ответ, а то, как от него уйти.

Я вдруг делаю неожиданное, резко разворачиваюсь к мальчишкам и:

— Артём, ну что скажешь? Пойдешь с эм... — перевожу взгляд на мальчика с немым вопросом в глазах: *как твое имя, малой?*

— Мам, это Даня. Даня - это моя мама, тетя Оля, — Артём понимает мой взгляд без слов.

— Приятно познакомиться, — тут же подходит ко мне мальчишка и тянет руку для пожатия.

Артём параллельно поднимает сброшенные на пол куртки и шапки.

— Ну, если ты не против, то я бы с удовольствием, — улыбается во весь рот сын, глаза сверкают.

— Я не против, — пока он надевает куртку, я помогаю натянуть ему шапку. — Только будь аккуратнее там, хорошо? — шепчу ему на ушко и целую в лоб.

Сын закатывает глаза и порывисто чмокает меня в щеку.

— Конечно, мам.

Мальчишки протискиваются к дверному проему, и отцу Данилы ничего не остается, как сделать шаг назад и выйти на улицу.

Он смотрит на меня с усмешкой, потом разворачивается и идет следом за детьми, которые уже несутся к основному зданию по тропинке, обгоняя друг друга.

Я закрываю дверь. Приваливаюсь к ней спиной.

— Ох... и за что же мне все это?

Стою так до тех пор, пока не ощущаю тишину, в которую погрузился домик после того, как ушли незваные гости, забрав с собой Артёма.

Оттолкнувшись от двери, подхожу к кровати, сажусь на край. Уставившись в экран телевизора, который работает без звука, складываю руки на коленях и ловлю себя на том, что прислушиваюсь к каждому звуку снаружи.

Но там, как ни странно, тихо. Ни людских голосов. Ни суеты. Как будто звуки решили взять передышку.

Я пытаюсь убедить себя, что пока нет никакой опасности, можно и расслабиться, как вдруг боковым зрением ловлю скользнувшую тень за окном.

Тело моментально напрягается. Я замираю в ожидании. Грудь сдавливает так, что воздух застревает на выходе.

Секунда. Две. Три...

Дверь резко открывается без стука.

От страха у меня воздух со свистом вылетает изо рта.

— Ох... я вас напугал? Извините! — тут же замирает на пороге мужчина, вперив в меня пристальный взгляд.

Я не могу сказать ни слова. Челюсть сводит от напряжения.

— Зачем вы пришли? — наконец выдаю, когда паралич отпускает.

— Оля, можно я войду? — он не дожидается ответа, заходит и закрывает за собой дверь. — Я так и не представился в прошлый раз. Я Игнат. Даня - мой сын.

— Это я поняла, — киваю, так и не двигаясь с места. — Что-то случилось с Артёмом?

— Нет. У мальчишек все хорошо, — отвечает сразу.

— Тогда зачем вы здесь?

— Хотел вас предупредить, чтобы вы не волновались.

Усмешка сама по себе растягивает губы.

— Спасибо, но в этом не было необходимости. Я бы все равно в ближайшее время сама это проверила. Знаете, не привыкла полагаться на незнакомых людей.

— Я так и понял, — Игнат мнетя на пороге, и меня это начинает нервировать. Я не понимаю, зачем он пришел. По его взгляду вижу: он хочет что-то спросить, но не знает, с чего начать.

— Игнат, если у вас есть какие-то вопросы говорите прямо.

Я поднимаюсь с кровати и делаю несколько шагов, увеличивая расстояние между нами.

— Да, есть. Я хотел спросить про утренний инцидент.

— Так вроде бы разобрались? Владелец авто не имеет никаких претензий. Или тут каждый инцидент под контролем?

— Почти. Я курирую эту базу. У меня охранное агентство.

Не хотелось бы, чтобы у гостей возникали проблемы. Поэтому особое внимание уделяется инцидентам, в которых замешаны дети, — спокойно отвечает он. — А в данном случае я вижу, что здесь что-то идет не так. У вас вид такой, будто вы готовы в любой момент собрать вещи и уехать.

Я не отвожу взгляд, не суечусь, хотя внутри полная каша. Он сейчас пугающе близок к истине. Но в первую очередь я просчитываю риски, которые могут повлечь за собой мои необдуманные решения.

— Игнат, спасибо, конечно, за бдительность, но вы ошибаетесь. Я никуда не собираюсь уезжать. Какой ненормальный в такую погоду отправится в дорогу? Тем более с маленьким ребенком.

— Да, вы правы. Я просто решил перестраховаться.

Молчание повисает между нами. Ненавязчивое, но плотное.

— Это все? — нарушаю его вопросом, который нужно было задать раньше.

— Да. И еще раз извините, что напугал, — уголок его губ чуть дергается. — Если вдруг что-то понадобится дайте знать. Телефон есть у администратора. Он напрямую соединит вас со мной.

— Это лишнее.

— Безопасность никогда не бывает лишней, Оля, — делает акцент на моем имени, как будто тем самым хочет показать, что знает обо мне чуть больше. — Я хочу быть уверен

в том, что на моей территории все под контролем.

Он делает шаг к двери. Потом вдруг оборачивается:

— Будьте аккуратнее с Громовым. Он непростой человек. И если вдруг он начнет каким-то образом вмешиваться в ваше личное пространство, сразу дайте знать.

Я не успеваю ничего ответить. Он выходит, плотно закрыв за собой дверь.

После его ухода я несколько минут стою, не двигаясь. Что он имел в виду, говоря, что Громов непростой? Я это, конечно, знала и без него... Но из его рта это звучало совсем иначе. С другой интонацией. Так дело не пойдёт.

Я должна узнать, о чем он не сказал.

Подхватываю куртку и выхожу следом. Игната уже нет. Но я знаю, как его найти. Он сам мне это сказал.

Широким шагом иду в сторону главного здания.

Глава 5

Я иду быстро. Шаг размашистый. Я совсем не замечаю того, что происходит по сторонам. Люди, техника, и снова нависший снег: мне это сейчас неинтересно. Я вижу цель и двигаюсь к ней, не замечая препятствий.

Дверь в главное здание уже почти передо мной. Плотно закрыта. И несмотря на то, что она полностью стеклянная, за ней не видно ничего: стекло отражает улицу, будто зеркало.

Меньше чем через минуту я на полном ходу, не тормозя, тянусь к ручке, чтобы открыть дверь, но она будто по щелчку распаивается сама, и мне навстречу буквально вываливается мужчина.

Я врезаюсь в его грудь с такой силой, что, не контролируя тело, отскакиваю, как мячик от стены, путаюсь в ногах и, уже раскинув руки, готовая приземлиться на пятую точку, чувствую, как он резко ловит меня и прижимает к себе.

— Какая встреча, — ухмыляется он. В глазах скользит удивление.

Я же крепко держусь за его шею, пытаюсь хоть как-то сохранить равновесие.

— Неожиданная, — сглатываю и соглашаюсь. — Можете меня уже отпустить?

— Вы в этом уверены, Оля? — и снова эта его странная ухмылка.

— Игнат. Отпустить не равно бросить на землю.

Мужчина кивает, ставит меня на ноги, сам одергивает куртку и делает шаг назад. Оглядывает меня с головы до ног, задерживается на лице.

— Вы не ушиблись?

— Вроде бы цел, — почти зеркально повторяю его жест, сглатывая слезу с куртки снежинки.

— Вот и славно. А вы куда так спешите, Оля? — смотрит в упор, взгляд цепкий, внимательный.

Меня злит, что он так легко вставляет мое имя в каждое предложение. И делает это таким тоном, будто мы давние знакомые.

— К вам, Игнат, — копирую его интонацию.

Мой прямой ответ явно выбивает его из колеи. Он удивленно ведет бровью и даже оборачивается на дверь.

— Даже так?

— Именно.

— Тогда вам повезло. Я как раз собирался выпить кофе. Составите компанию?

— Мне было бы удобнее задать вам несколько вопросов с глазу на глаз...

— Оля, — Игнат вдруг подходит ближе, почти вплотную, отчего мне становится не по себе, и берет меня под руку. От этого жеста я вообще теряюсь. — Не смотрите на меня так, я вас не съем, — добродушно улыбается и мягко подталкивает в сторону столовой. — Пойдемте. У меня там отдельное ме-

сто и отдельный столик. Нам никто не помешает, и мы сможем спокойно поговорить.

Живой. Игривый. Почти флиртующий: этот мужчина возникает передо мной словно по щелчку. Его поведение совершенно не вяжется с внешностью.

Я растерянню иду туда, куда он меня ведет, и, если честно, уже не уверена, что вообще хочу говорить с ним о Марате.

Мы подходим к зданию. Он что-то говорит о том, что погода начинает портиться, указывает рукой в сторону гор, где на фоне склонов уже собрались свинцовые, низко нависшие тучи, в которых явно спрятаны тонны снега. Я киваю, но мыслями нахожусь совсем в другом месте.

Игнат перехватывает мою руку в тот момент, когда я собираюсь открыть дверь.

— Оля, позвольте за вами поухаживать. Все-таки я тот мужчина, который не привык к тому, что девушка сама открывает себе двери.

Рывок и дверь распахивается...

... И я вижу Киру.

А за ее спиной Марата.

Девушка на секунду приподнимает брови, явно не ожидала меня увидеть. Марат же хмурится, сводит брови к переносице, отчего взгляд становится жестче. Его глаза мечутся с меня на Игната и обратно.

— Добрый день, — как ни в чем не бывало, легко произносит Игнат, будто не замечая напряжения, повисшего в

воздухе. — Оленька, давай... — он осекается, проглатывая «те». — Пропустим. Мы же никуда не спешим.

И снова берет меня под руку, как будто это для него привычный жест.

Я вижу, как у Марата напряглись скулы от этой откровенно собственнической выходки.

— Конечно, — бормочу себе под нос и делаю шаг назад. Освобождая проход.

Кира фыркает и выходит первой. Марат делает шаг. Потом второй.

И...останавливается ровно рядом с нами.

Взгляд прямой. Тяжелый. Он не рвет меня на куски глазами, он фиксирует меня, как метку на карте. Как точку, которую нашел и больше не собирается выпускать из вида.
Я громко сглатываю.

Кира отходит на несколько шагов и только тогда замечает, что он не идет. Оборачивается и:
— Дорогой, ты идешь? — голос капризный, с раздраженными нотками.

Марат будто не слышит. Даже не поворачивает голову в ее сторону.
И это самое страшное. Потому что в этот момент становится понятно: она для него сейчас не существует.

Он делает полшага ближе.
Я не двигаюсь. Даже дышать забываю.

— Поговорим, — произносит ровно, с металлическим привкусом. — Позже.

Он задерживается на мгновение, будто проверяя, выдер-

жу ли его давления. Марат стоит близко, почти вплотную, так что я чувствую его жар сквозь слои одежды и запах: табак, смешанный с мужским одеколоном - до мурашек знакомый.
 Я заставляю себя не отшатнуться. Выстоять. Не показать страх, который выворачивает меня изнутри.

Все это длится считанные секунды, но мне кажется - вечность.

Марат оценивает мою стойкость. Разворачивается, подходит к Кире, та сразу же цепляет его под руку, что-то шипит в ухо. По ее лицу видно, говорит мерзости.
 Марат не реагирует. И я уже почти выдыхаю, когда он вдруг оборачивается, бросает короткий взгляд, как будто фиксирует для себя, дошел ли смысл его слов до меня.

Дошло. Конечно дошло.

Дверь сбоку от меня внезапно хлопает. Резко. Глухо.

Этот звук заставляет вздрогнуть всем телом. Я будто просыпаюсь, вынырываю из оцепенения, и в голову тут же бьет импульс, похожий на команду: *беги.*
 Спрячься. Растворись. Исчезни прямо сейчас.

Я делаю шаг назад, резко разворачиваюсь с одной-единственной мыслью: мне нужно в домик. Мне нужно найти Артёма. Мне нужно сбеж...

И врезаюсь в преграду.

— Ох... — отшатываюсь, тру нос. — Чтоб тебя...

Я смаргиваю пелену и вижу Игната прямо перед собой.

На секунду в голове образуется пустота, как белый шу-

м.
 Первые мгновения я вообще не понимаю, что он здесь делает. А потом доходит: он все это время стоял за моей спиной, а я о нем просто забыла. Потому что весь мой мозг был занят одной разрушающей мыслью: беги.

Мне становится неловко.
 И от того, что он стал свидетелем моего короткого диалога с Маратом.
 И от того, что он увидел меня в состоянии откровенного ужаса.

Я смотрю в его глаза и уже предвижу заранее, что будет дальше за вопрос.

— Оля? — он смотрит на меня так же внимательно, как и я на него. Без улыбки. Без игры. Голос спокойный, но жестче, чем минуту назад. — Вы знакомы с Грозовым?

Внутри все сжимается.
 Да чтоб его. НУ зачем? Только этого мне сейчас не хватает.

Я открываю рот и понимаю, что сказать правду не могу.
 Не сейчас. Не здесь. Не ему, потому что это значит выпустить наружу то, что я десять лет держала под замком. И это значит признать, что этот человек не просто “какой-то мужик” приставший из-за разбитого стекла, а часть моей жизни, о которой я не хочу говорить.

Я качаю головой.

— Нет.

Слово выходит ровно. Почти убедительно.

Игнат не спорит. Не пытается продавить. Но я вижу, как у него меняется лицо: брови чуть сходятся, взгляд тяжелеет. Он смотрит не на мой ответ, а на то как я стою, как держу

плечи, как дышу... И не верит.

— Тогда нам точно есть о чем поговорить, — произносит он спокойно.

Я пытаюсь обойти его, не согласная с его решением.

— Игнат, знаете... я передумала. Мне... мне нужно позвонить, — говорю быстро, хватаясь за единственное, по-настоящему важное сейчас для меня. — Я должна предупредить подругу, что задерживаюсь. У меня назначена встреча. Если я не приеду вовремя... я могу потерять работу.

— Вы это уже говорили, Оль. Я помню.

Я сжимаю губы. Игнат же кивает в сторону двери, ведущей в столовую:

— Я помогу вам связаться с подругой, — говорит он. — Но сначала мы, как и договаривались, выпьем кофе. И если у вас больше нет ко мне вопросов, тогда вы ответите мне на один. Мой.

Я напрягаюсь.

— Какой?

— Давайте зайдем, — он мягко подталкивает меня к двери. Открывает ее сам, тем самым лишая меня путей для отступления. Мне ничего не остается, кроме как шагнуть внутрь.

Игнат ведет меня через всю столовую к столику, спрятанному в нише. Его и правда не сразу можно заметить, он будто нарочно вынесен в сторону, отдельно от общего шума. Игнат помогает мне снять куртку, аккуратно отодви-

гает стул.

— Прошу.

Я сажусь. Он же свое место занимать не торопится.

— Какой кофе предпочитаете, Оля?

— Капучино, — отвечаю коротко и взгляд сам ищет дверь.
Внутри зудит ощущение, что Марат может вернуться в любой момент.

— Отличный выбор. А как насчет десерта?

Игнат словно намеренно не замечает моего состояния, давит вниманием, будто проверяет, сколько я выдержу.

— Нет, спасибо. Больше ничего не буду.

Он улыбается и уходит, оставляя меня одну.

— Оль, — его голос раздается совсем рядом, неожиданно, — почему мне показалось, что Громов слишком фамильярно с вами общается? Это выглядит... противоестественно. Даже если допустить историю с разбитым стеклом.

От неожиданности у меня сводит лопатки, сердце делает резкий рывок.

— Зачем вы так делаете? — резко отвечаю я. — Это вообще нормально — подкрадываться к людям?

Игнат обходит стол. В руках поднос. Он спокойно расставляет: капучино — мне, эспрессо — себе, и два одинаковых кусочка торта. Один — передо мной.

— Извините, если напугал. Вы были задумчивы. Не услышали.

И в этот момент я понимаю, что он прав.
Я действи-

тельно была далеко отсюда. Думала только об одном: как выбраться отсюда как можно быстрее. Мысль о новой встрече с Маратом вызывала почти физическое отторжение.

— Это не оправдание, Игнат. Прошу больше так не делать, — говорю жестко. Признать, что он попал в точку, я не собираюсь.

— Договорились, — кивает он. — Тогда по существу: почему Громов ведет себя с вами так, будто вы давно знакомы? Вы знакомы?

Я чувствую, как внутри все сжимается.

— И не врите, — продолжает он, — у вас сейчас снова то же выражение лица, будто вы готовы сорваться с места. Я правильно понимаю, причина в нем?

Я делаю вдох. Потом еще один.

— Он... — заставляю себя говорить ровно. — Он просто неприятный человек. И я не хочу иметь с ним дел. Все. Вы же сами говорили, что от таких лучше держаться подальше.

— Оля, — его голос меняется. Пропадает мягкость. — Я видел, как он на вас смотрел. Это не “просто неприятный человек”. И если у вас остались нерешенные вопросы по разбитому стеклу, это можно решить. Я могу помочь.

Меня накрывает злость. На Марата. На себя. На эту ситуацию.

— А вы что, эксперт по взглядам? — язвлю я.

Игнат даже не дергается.

— Я эксперт по безопасности, — спокойно отвечает он. —

И не обязательно быть экспертом, чтобы увидеть агрессию, которую человек даже не пытается скрыть.

Я сжимаю пальцы.

— Вы ошибаетесь. У Марата нет агрессии... — и тут же понимаю, что облажалась.
 Я назвала его по имени.

Игнат это замечает сразу. Его глаза чуть сужаются. Взгляд становится внимательнее, пронзительнее.

— Я хотела сказать... Громов. Этот мужчина. Он не угрожает мне.

— Я понял, — спокойно говорит Игнат и будто ставит точку: — Пейте кофе. Он остывает.

Я утыкаюсь в кружку и делаю несколько больших глотков.
 Чёрт. Сдала себя с потрохами.

— Оль, если честно, — он нарушает тишину первым, — я не хотел вас задеть. Просто хотел помочь. Я бы, возможно, и не вмешивался. Но у вас есть Артём. Он ребенок. А Громов... он действительно опасный человек. И мне бы не хотелось, чтобы это как-то задело мальчика.

Я давлюсь тортом и сглатываю кусок целиком.

— Спасибо за бдительность, — говорю холодно, — но вы ошибаетесь. Здесь нет ничего подобного. Извините, мне наверное пора.

Я резко встаю. Стул скребет ножками по полу чересчур громко издавая неприятный режущий ухо звук.

— И не стоит беспокоиться за Артёма, — добавляю, натягивая куртку. — Я в состоянии защитить сына сама.

Я выхожу, не оглядываясь. Игнат меня не останавливает, и это сейчас единственное, что радует.

Снаружи в лицо тут же бьют колкие снежинки. Я глубже натягиваю капюшон.
Погода за это время будто взбесилась. Снег валит плотной стеной, съедая пространство.

Во мне все кипит. Осадок от Марата усиливается разговором с Игнатом.
Меня бесит, что я снова оказалась в центре чужого внимания.

Я иду к зданию с табличкой «Администрация».
Мне нужно дозвониться до подруги. Срочно. Прояснить ситуацию.
Возможно, уже завтра мы с Артёмом сможем отсюда уехать.

Я хватаюсь за ручку. Дергаю.

Закрыто.

— Что за чёрт?..

Стучу в стекло. Тишина.
Подношу ладони к лицу, всматриваюсь внутрь. Темно. Глухо. Ни движения.

— Эй! Тут кто-нибудь есть?! — бью по стеклу сильнее.

В этот момент за спиной что-то резко хлопает: не дверь, не окно. Металлический звук, похожий на опускающийся засов или ставни.
Я вздрагиваю и резко оборачиваюсь. Вокруг ничего не видно. Все белым бело.

Метель набирает обороты с каждой секундой, закручивая белые снежинки в плотные вихри. Свет фонаря меркнет, будто его кто-то прикрыл. И только сейчас до меня доходит простая, неприятная мысль: я осталась снаружи. Одна. В са-

мый разгар снегопада.

Я дергаю дверь администрации еще раз. Сильнее. Резче.
 — Да чтоб вас... — вырывается сквозь зубы.

И в этот момент меня снова догоняет пугающий скрежет. Такой, будто металл режет металл. С хрустом, с надрывом, как если бы что-то тяжелое тащило по льду.

Я инстинктивно поворачиваюсь туда. Хочу увидеть. Понять.
 В голове мелькает дурацкая мысль: только бы не на машину...

Делаю шаг, но ветер усиливается так, будто кто-то выкрутил регулятор на максимум. Меня буквально прижимает обратно. Снег бьет в лицо, лезет под капюшон, слепит глаза, забивает дыхание.

— Оля, стойте!

Рука ложится на мой локоть уверенно. Хватка каменная. Я оборачиваюсь. Игнат.

— Сейчас лучше укрыться, — говорит он, перекрывая шум ветра. — Ничего не видно.

— Я слышала... — начинаю я, но он уже качает головой.

— Потом. Пойдемте внутрь.

Он разворачивает меня без лишних разговоров и подталкивает к боковому входу. Я еще пытаюсь вывернуть голову, всмотреться в снежную кашу, но там только белая стена, в которой можно потерять ориентир за секунду.

Мы заходим внутрь. Дверь закрывается. Шум метели глохнет, но не исчезает. Остается фоном, давит на уши.

Игнат снимает перчатки, стряхивает с куртки снег. Я стою напротив, не зная, куда деть руки, и чувствую, как внутри все дрожит, хотя я не мерзну.

— Оль, на вашу машину упал фонарь, — говорит он так спокойно, будто сообщает о сломанном стуле.

Я моргаю. Раз. Второй.
 — Что?..

Мозг отказывается принимать новость.

— Фонарь с опоры, — уточняет Игнат. — Сорвало крепления.

— Фонарь... на мою машину? — переспрашиваю так, будто смысл доходит медленно, по слогам. — Боже... Только не это...

Голос глухой, сбившийся.

— Повреждения серьезные, — продолжает он. — Уехать на ней сейчас точно не получится.

Его слова добивают меня. Мало того, что мне теперь не на чем уехать. Так еще и ущерб возмещать придется немаленький. И вот тут есть нюанс: денег на возмещение у меня нет.

Я чувствую, как меня ведет. В глазах темнеет. Воздух будто становится гуще, и я ловлю себя на том, что дышу коротко. Пространство вокруг резко сужается.

— Оля...

Игнат оказывается рядом в тот момент, когда ноги на секунду становятся ватными, и я теряю опору в собственном теле.

— Со мной все хорошо, — вру и тут же заставляю себя

выпрямиться. — Голова немного закружилась.

— Давайте я помогу, — Игнат не спорит со мной, он просто делает. Помогает снять куртку, стряхивает с нее снег, вешает аккуратно на крючок. — Садитесь.

Он указывает на узкую кушетку вдоль стены.

Я больше не сопротивляюсь. Потому что понимаю: мне сейчас нужна поддержка. Пусть на минуту. Пусть от чужого человека. Но нужна. Иначе меня просто разнесет изнутри.

Игнат присаживается рядом не вплотную, оставляя между нами воздух, и продолжает ровным тоном:

— Провода тоже порвало. Часть базы уже без света. Техника не выйдет, пока метель не уляжется. А по прогнозу... — он замолкает на секунду, — это не вопрос пары часов.

На моем лице мелькает недоумение. Я не сразу понимаю, к чему он.

Ответ приходит почти сразу.

Дверь, в которую мы только что зашли, открывается и помещение начинает заполняться людьми. Кто-то с сумками. Кто-то в куртках поверх домашней одежды. Кто-то в ботинках на босую ногу, потому что выбежал как есть. В воздухе поднимается нервная суета.

— Всех из отдельно стоящих домиков будут переселять в главное здание, — говорит Игнат, будто подводя итог. — Генератор только здесь. Это вопрос безопасности.

И вот тут меня накрывает.

— Вы хотите сказать, мы в домик вернуться не сможем?

— Верно, — отвечает он. — Сегодня точно нет.

Значит, у нас с сыном больше нет укрытия.

И мы для Марата становимся легкой добычей, потому что придется жить с ним под одной крышей. На одной территории.

Мысли мгновенно прыгают к Артёму. Сердце начинает биться так, будто пытается вырваться наружу.

— Артём... где он сейчас? — вылетает у меня прежде, чем я успеваю подумать.

— С Даней. В игровой, — отвечает Игнат сразу, словно был готов к этому вопросу. — Там тепло, светло, и за ними присматривают.

Я киваю, но легче не становится. Потому что в моем мире “присматривают” - это кто-то чужой и ненадежный.

Игнат смотрит на меня внимательно. Не давит: ни голосом, ни позой. Просто наблюдает за тем, что происходит со мной и вдруг говорит решительно:

— Оля. Я, возможно, сейчас лезу не в свое дело. Но позвольте предложить вариант. И прежде чем вы откажетесь, пообещайте, что хотя бы подумаете.

Я не отвожу взгляда. Смотрю ему в глаза.

— Вы с Артёмом можете разместиться у меня. Номер просторный. Две комнаты. Ванная, туалет. Ребенка можно уложить отдельно, — он делает паузу, давая мне переварить эти слова. — И это не самый плохой вариант. Мой номер не в гостевом крыле и это даст вам преимущество: минимум пе-

ресечений с Грозовым.

Я молчу. В голове шумит.
 С одной стороны полный абсурд. Заселиться в номер к мужчине, которого знаю сутки.
 С другой суровая реальность, в которой мои планы уже никто не спрашивает.

Я перевожу взгляд в сторону коридора. Там мелькают чужие силуэты. И вдруг в одном из них я узнаю того, кто может в один момент перевернуть всю мою жизнь.

Марат.

Он идет уверенной походкой, рядом Кира, а чуть позади, двое мужчин в одинаковых темных куртках. Охрана.
 Он замечает меня и даже издали я различаю в его глазах хищный блеск. Не удивление. Не вопрос. Удовольствие.

И я делаю единственный правильный выбор, каким бы абсурдным он сейчас ни казался:

— Я согласна.

Глава 6

Иду по коридору за Игнатом.

Уверенно - нет. Скорее собрано, через усилие.

От волнения и ощущения, что сделала неправильный выбор, всё внутри дрожит. Но понимаю: сдавать назад тоже не вариант. Там Марат и его Кира. И я настолько сейчас растеряна, что вряд ли выведу давление со стороны этих двоих.

Чем дальше мы уходим вглубь здания, тем тише становится вокруг. Люди, еще недавно снующие в холле, постепенно исчезают. Шум, голоса, суэта: все застревает где-то позади.

Остается только воющая за стенами метель и плотная, давящая тишина.

Мы проходим длинный коридор и оказываемся в большом холле.

Слишком большом и слишком пустом для жилой части.

Игнат, не оборачиваясь, уверенно движется вперед. Я будто его тень, следую за ним шаг в шаг.

Оглядываюсь по сторонам и... начинаю нервничать.

Обстановка здесь больше напоминает служебные помещения, чем гостевое крыло. Ни ковров, ни мягкого света, ни привычных мелочей, которые обычно создают ощущение уюта. Я прикидываю в голове, где может находиться его комната, но никаких вариантов подобрать не могу.

Чтобы не гадать и не накручивать себя, я ускоряюсь, дого-

няю Игната и задаю вопрос, который крутится в голове прямо сейчас:

— Игнат, а куда вы меня ведете?

Мужчина поворачивает голову. Чуть щурится, словно оценивает не сам вопрос, а то, что за ним стоит.

— В данный момент мы идем за детьми, — отвечает спокойно. — Заберем их, а потом поднимемся в номер. Или у вас были какие-то другие варианты?

Чёрт.

Краска приливает к лицу. Становится неловко, почти стыдно. Мать года, не иначе. Этот титул сегодня точно мой.

— Нет... именно так я и думала, — быстро говорю я. — Просто в моем понимании игровая комната должна быть где-то в гостевом крыле.

Вру без зазрения совести. Ну не признаваться же, что я вообще не подумала сначала забрать сына, а уже потом решать вопрос с ночевкой.

На самом деле у меня всегда была именно так выстроена логика.

Я никогда не совалась с Артёмом туда, где не бывала сама. Сначала ездила одна. Проверяла. Прощупывала почву. И только когда понимала, что место безопасно, привозила его.

А здесь... здесь правила диктует не мой материнский инстинкт, а Игнат.

Он молча кивает и, не сбавляя шага, идет дальше.

Я держусь рядом, но не вплотную. Дистанция есть, мини-

мальная, но для меня осязаемая. И нет, не потому что боюсь, а потому что сейчас мне важно чувствовать границы. Свои.

Наконец-то мы подходим к двери. Двойная, пластиковая, прозрачная. За ней движение, свет, детские голоса.

Игнат открывает дверь.

— Артём! — окликаю сына еще до того, как переступить порог.

Он оборачивается сразу. Лицо светлеет.

— Мам!

Он подбегает ко мне и утыкается лбом в живот: так, как делал всегда, когда соскучится. Я провожу рукой по его волосам, задерживаю ладонь чуть дольше обычного.

— Все хорошо? — спрашиваю тихо.

— Да. А что случилось?

— Ничего, — отвечаю сразу. — Просто сегодня мы ночуем не в домике.

Артём хмурится.

— Почему?

Я открываю рот, но Игнат опережает, отвечая раньше:

— Из-за погоды. Так будет безопаснее.

Он говорит это спокойно как факт, который не требует обсуждения.

Артём переводит взгляд с него на меня.

— Мы будем вместе?

— Конечно, вместе. Что за вопрос?!

Игнат тем временем подходит к сыну, треплет его по волосам:

— Даня, а ты чего стоишь? Рюкзак бери и пошли.

Мальчишки коротко переглядываются, без слов, по-своему и уже через минуту мы идем обратно по коридору. В полном составе. Теперь нас четверо.

Я ловлю на себе взгляды. Чужие. Оценивающие. Кто-то явно узнает во мне ту самую женщину из столовой. Кто-то смотрит на Игната. Кто-то на Артёма. Я чувствую эти взгляды кожей, но сознательно не оборачиваюсь. Раньше я бы напряглась. Сейчас мне вдруг становится все равно. Пусть смотрят. Пусть думают что хотят. Я здесь проездом. И как только ослабнет, мы уедем. И про этих людей, как и про это место я вычеркну из своей памяти без сожаления.

— Оль, — негромко говорит Игнат, когда мы подходим к лестнице. — Если что-то будет не так, сразу скажите.

— Я скажу, — отвечаю автоматически.

Мы поднимаемся по лестнице. Шаги гулко отдаются в пролетах. На втором этаже тише. Свет мягче. Воздух спокойнее.

Артём идет на шаг впереди вместе с Даней, но все время оборачивается, будто проверяя не отстала ли я. Я ему улыбаюсь, а сама млею от его такой маленькой внимательности. Мой маленький сторож.

Игнат останавливается у двери, достает карту.

— Это временно, — говорит он, прежде чем открыть. — Как только ситуация прояснится, вы сможете решить, как вам дальше быть.

Я киваю: но не потому что верю его словам, а потому что сейчас это единственный безопасный вариант для меня и Артёма.

Дверь открывается.

Я делаю шаг внутрь и понимаю, что во мне вспыхивает давно забытое чувство того, как будто за меня кто-то уже все решил. Кто-то не я.

Я не успеваю смириться с этой мыслью, как вдруг Артём подбегает ко мне и тянет внутрь.

— Маааам, глянь какой у Дани телик огромный! А еще у него сонька есть! Ну пойдем, пойдем! Я покажу.

Сопrotивляться сыну я не могу, поэтому, глянув на Игната и не увидев на его лице ни тени возражений, иду туда, куда меня тянет Артём.

То, что в этой комнате живет ребенок, видно сразу.
Разбросанные вещи, кроссовки у стены, рюкзак, брошенный прямо у двери. Постельное белье с яркими детскими принтами, смятая куртка на спинке стула, зарядка от приставки, змеей ползущая по полу. Здесь не старались быть аккуратными, здесь просто жили.

— Мам, а помнишь, я тебе рассказывал, что вышла новая игра? — Артём буквально подпрыгивает на месте. — Прикинь, у Дани она есть!
Он тут же отворачивается от меня и уже спрашивает у мальчика:
— Даня, можно я маме покажу?

— Да конечно, без проблем, — спокойно, без бахвальства

отвечает Даня и, не переставая говорить, начинает собирать с пола пустые упаковки от чипсов и бутылки из-под газировки. Делает это привычно, почти машинально.

А у меня внутри что-то сжимается. Тянет. Давит.
Потому что я смотрю на Артёма, на его восхищение, и понимаю: мой сын не сможет позволить себе ни эту приставку, ни эту игру. Они стоят как моя месячная зарплата, а то и больше.

Я глотаю это чувство. Глубоко. С горьким привкусом сожаления.
Артём привык видеть меня сильной. Той, которая справляется. Той, у которой “все под контролем”.

— Классная, — улыбаюсь. Улыбка выходит чуть напряженной, но Артём сейчас в эйфории, он этого не замечает.

— Мам, а можно мы немного поиграем с Даней?

— Артём, — я подхожу ближе, обнимаю его за плечи, легко сжимаю, — этот вопрос не ко мне. Ты помнишь, мы в гостях?

Секунда. Две. И пелена с глаз сына будто спадает. Он переводит взгляд на Игната.

Игнат не в комнате, он на кухне, но кухня отсюда просматривается полностью.
Он ставит чайник. Без суеты.
Достает из холодильника колбасу, сыр, масло. Расставляет на столе кружки. Движения выверенные, спокойные, ни одного лишнего жеста.

— Тём, ты пока включи какой-нибудь мульт, — Даня быстро перехватывает внимание. — Я сейчас приберусь,

чтоб батя не ворчал, и поиграем. Он не запрещает, тётя Оля. Просто иногда вредничает.

Я часто моргаю. Даня ненамного старше Артёма, но в нем уже есть что-то... взрослое. Собранное. Как будто он рано понял, что можно, а что нет.
И я вдруг отчетливо осознаю: это и есть мужское воспитание.

— Ага, классно, — Артём сияет. — Да, мам. Пойдём.
Он берет меня за руку и тянет к креслу.
— Знаешь, что круто? — ехидно улыбается, показывая все зубы, которые имеются у него во рту. — Что теперь не придется твои сериалы смотреть.

Я не удерживаюсь от смеха. И на секунду, буквально на одну, все остальное отступает.
Как же у детей все просто. Им хорошо сейчас и для них этого достаточно.

— Эй, там, в соседней комнате, — раздается голос Игната. — Никаких мультиков. Давайте на кухню. Будем пить чай.

Тон вроде бы легкий. Но в нем есть то самое безусловное подчинение. Без давления. Без крика. Просто как факт.

Мы с Артёмом переглядываемся и идем на кухню.

— Рассаживайтесь, — Игнат кивает на стулья.

Даня сразу тянет Артёма к себе. Они садятся рядом. А мой стул оказывается вплотную к стулу Игната. У меня тяжелеет в груди. Это не страх. Это давление, которое я чувствую кожей. И мне оно не нравится.

— Оля, Артём, — говорит Игнат спокойно, — гостей мы не ждали, так что выбор чая у нас один. Черный. Зато есть

кофе и какао. Выбирайте.

— Пап, давай нам с Артёмом какао, — первым откликается Даня. — Да, Тём? Будешь?

Артём кивает, но смотрит на меня. Спрашивает глазами: можно?

Я киваю.

— Да, — говорит он только после этого. — Я тоже буду какао.

Игнат это замечает.
 Я вижу, как чуть плотнее сжимаются его губы, напрягаются предплечья, но вслух он никак это не комментирует.

— Дань, какао дело простое, — спокойно говорит он. — Справишься сам.
 Потом переводит взгляд на меня.
 — А вы что будете, Оль?

Он смотрит прямо. Я тут же отвожу глаза.

Чёрт. Как же мне все это не нравится. Пальцы под столом смыкаются в плотный замок.

— Я чая попью, — бормочу. — Спасибо.

И вдруг: совсем не к месту, совсем не вовремя срывается с языка:

— Может... мне чем-то помочь?

Губы Игната трогает короткая, странная ухмылка.

— Пока я справляюсь сам, Оль.

Мои хорошие, не теряемся, впереди самое интересное и вкусное! И сейчас самое время порадовать(поддержать) автора звездочками и если кто не подпи-

сан, обязательно подписываемся, чтобы не пропустить оповещение о следующей проде! Ваша реакция вдохновляет моего Муза еще больше!##♥#

Я сижу, стараясь держать спину ровно. Чашка с чаем горячая, обжигает ладони, но я не убираю руки, потому что так проще не думать о том, что здесь происходит.

Дети болтают. Смеются. Даня что-то показывает Артёму на телефоне, тот реагирует слишком громко, слишком эмоционально. Я ловлю себя на том, что все время смотрю на сына. Не контролирую, но проверяю: как он сидит, как дышит, что говорит.

Напряжение во мне нарастает, и Игнат это замечает.

Он не комментирует мои действия, просто в какой-то момент ставит свою чашку так, что она оказывается между мной и детьми. Не как преграда, а точка фокуса, на которую мне предлагают переключиться. И я делаю именно это. Сначала смотрю на кружку. Потом на его пальцы, сжимающие фарфор. И только потом на него.

— Оль, расслабьтесь. Всё нормально. Не накручивайте себя, — спокойно говорит Игнат.

— Мам, — Артём разрывает наш зрительный контакт, перетягивая внимание на себя, и я тут же отвлекаюсь. — А мы тут долго будем?

Я открываю рот, чтобы ответить, но на миг зависаю, потому что не знаю точного ответа.

— Пока погода не даст нам других вариантов, — спокойно отвечает Игнат вместо меня. — Это ненадолго.

Ненадолго.

Слово ложится криво. В нем нет срока, нет границ. Я киваю, но внутри все сжимается.

Потому что я не умею быть “ненадолго” там, где у меня нет контроля.

— Пап, а если свет здесь вырубит, что тогда? — спрашивает Даня.

Мальчишки переключаются с телефона на Игната.

— Не вырубит, — коротко отвечает он. — Генератор здесь. Все рассчитано.

Он говорит это уверенно. Без паузы. Без сомнений. И мне вдруг становится не по себе. Потому что рядом с ним я слишком остро ощущаю разницу. Он тот человек, у которого все под контролем. На каждый вопрос есть четкий ответ. Даже в неопределенности он звучит так, будто все уже просчитано.

А я та, кто постоянно выкручивается. Ищет опору там, где ее в принципе нет. Да, я нахожу. Да, справляюсь. Но ценой сотни кругов ада, о которых знаю только я.

Я делаю глоток чая и понимаю, что не чувствую вкуса.

— Оля, — мужчина смотрит на меня не в лоб, а чуть сбоку. — Вы тоже боитесь, что здесь вырубит свет?

Я фокусирую взгляд на нем. В глазах лукавство, на губах легкая ухмылка. Шутит.

Но меня это не расслабляет.

— Нет, — отвечаю быстрее, чем нужно. — Я не боюсь. Все нормально.

Улыбка сползает с его лица. Он считывает мой нерв мгновенно.

— Так, — говорит уже без игры, — почему никто не берет бутерброды? Я для кого старался?

Он почти насильно сует каждому по одному.

— Пока тарелка не будет пустой, из-за стола никто не выйдет. Договорились?

Мальчишки смеются: им нравится его тон. Мне нет.

Мне вообще он не особо нравится. Слишком правильный. Слишком надежный. От этого и тревожно. Кажется, будто за этим обязательно должен скрываться подвох.

Когда я доедаю последний кусок, Игнат резко встает. Я не ожидаю этого движения, смотрю на него во все глаза. Напряжение, которое во мне и так держится, щелкает еще сильнее.

— Оль, пойдемте, покажу, где вы будете ночевать.

Я тут же киваю, тоже поднимаюсь из-за стола.

— Мальчишки допивают какао и убирают со стола. Дань, ты за главного. Артём ты новенький, помогаешь. Договорились?

Мальчишки переглядываются и синхронно улыбаются.

— Будет сделано, сэр! — одновременно прикладывают пальцы ко лбу.

— Отлично. Тогда чистота на вас.

Мы выходим из кухни.

Игнат ведёт меня не в комнату Дани, как я ожидала, а дальше. И это сразустораживает.

Он заходит первым. Я следом. И замираю на пороге.

Комната совершенно не похожа на детскую. Она больше. Спокойнее. Здесь огромный диван, несколько кресел, большая плазма на стене. Никаких разбросанных вещей. Никакой суеты. Только пространство для отдыха.

— Оль, постельное белье здесь, — Игнат исчезает в нише.

Я делаю шаг внутрь и только сейчас понимаю, что напротив окна скрытая гардеробная, зеркальная, от пола до потолка.

Он выходит с комплектом белья. Сверху пижама и полотенце.

— Так как на улицу сейчас никто не пойдёт, придется обойтись тем, что есть. Все новое. Я не пользовался. Горничные меняют, как в гостинице. Это запас на форс-мажор.

Он передает все мне и сразу отступает на шаг, не вторгаясь в пространство.

Я благодарна ему за это сильнее, чем готова признать.

— Если понадобится еще что-то...

— Нет, — перебиваю сразу. — Этого достаточно. Спасибо...вы и так много делаете для меня, — осекаюсь. — Для нас.

— Оль, это обычное человеческое отношение, — он приподнимает бровь. — Вы реагируете так, будто с вами впервые так поступили.

Я уже собираюсь ответить, когда у него вдруг раздается резкий звук в кармане. Рация.

Он спокойно достает ее из кармана. Я тут же отворачиваюсь и иду к дивану: не хочу быть лишней.

— Да, — отвечает он, и по смене голоса я понимаю: разговор серьезный.

Он выходит.

Я не подслушиваю специально. Но все равно замираю. Вслушиваясь в разговор на автомате.

— А другое место нельзя было ему предложить? ...Я понял. Сам разберусь. Пусть ждут меня. Я сказал. Ждут меня. Последняя фраза звучит жестко. Без компромисов.

Через секунду он снова в проеме. Я не вижу лица только силуэт, так как перед глазами все расплывается. Но ярость исходящая от него, ощущается физически. Я знаю о ком он говорил. Знаю...

— Оль, из номера пока не выходите. Я отлучусь ненадолго и вернусь.

— Тут Громов? — спрашиваю, просто чтобы подтвердить то, что уже чувствую.

— Да, — коротко. — Но я с этим разберусь.

В этот момент в комнату заходит Артём.

— Мам все в порядке? — он быстро подходит ко мне, обнимает за талию.

— Все хорошо, зай.

— Дань, помоги Артёму с телевизором. И из номера пока

не выходите. Договорились.

— Без проблем, пап, — Даня подхватывает путь от телевизора, щелкает пуск и на экране тут же появляется яркая картинка. Вечерний закат.

— Вау, класс, — Артём отвлекается. Подходит к Дане. — Давай, посмотрим мульт?

Мальчишки начинаю обсуждать, технические характеристики телевизора. Я не слушаю, сажусь на край дивана. Взгляд останавливается. Будто кто-то нажал на паузу. Перед внутренним взором *ОН*.

Игнат не произнося больше ни слова выходит. Замок щелкает, и именно этот звук приводит меня в чувства. Безопасность. Я чувствую ее кожей.

— Мам... — Артём снова тянется ко мне.

— Что?

— Ты точно ничего не хочешь посмотреть?

— Нет, зай. Включайте свое.

— Мам, все правда нормально?

Я смотрю на сына в его глазах читается тревога. Я тут же встряхиваюсь. Беру себя в руки. Не хватало еще, чтобы Артём видел меня в таком состоянии.

— Все хорошо, — говорю уверенно, а внутри все дрожит. Я не хочу, чтобы Марат был так близко. И это не страх, а инстинкт самосохранения так во мне работает.

И словно сама Вселенная решает поиграть со мной, так как

в тот же миг, за дверью раздаётся женский смех, а потом грубый мужской голос. Нет. Нет. Только не это. Отчаяние липокой испариной, выступает на коже.

Мне не нужно выходить, чтобы понять, кому принадлежит этот голос, он жил в моих кошмарах годами.

Я осторожно подхожу к двери и останавливаюсь. Не открываю, а прислоняюсь плечом к косяку, замираю. Прислушиваясь. За дверью движение. Много шагов. Суета. Слышно, как кто-то раздраженно бросает слова, кто-то задевает что-то металлическое, звук глухо отражается от стен.

— Да сколько можно таскаться по этим коридорам... — голос Киры режет слух.

— Тише, — отвечает Марат. Низко. Жестко. У меня внутри все сжимается. Я задерживаю дыхание, будто боюсь, что меня услышат.

— У нас вообще-то были отдельные апартаменты, — продолжает она. — Я не собираюсь жить черт знает где.

— Вам предложили лучший вариант из возможных, — вмешивается другой голос. Незнакомый. Звонкий, на высоких нотах. — Восточное крыло. Самые просторные номера сейчас только там.

В ответ тишина и через пару секунд:

— Нам не принципиально, — басит Марат.

— Зай, что значит не принципиально?! — тут же отзывается Кира. — Мне не нравится вся эта суета. И эти люди все мне не нравятся. И вонь не нравится. И...

— Тогда решено, — звучит голос Игната. Спокойный. Окончательный. — Пойдемте, я провожу.

Шаги смещаются, становятся удаленными. Я жду еще немного. Считаю про себя. Только потом осторожно открываю дверь. Коридор почти пуст. Вдалеке, несколько спин, они настолько широкие, что заполняют собой буквально весь коридор. Среди них Кира в светлой шубке. Рядом Марат. Они уже почти заворачивают за угол, когда вдруг он останавливается и поворачивает голову. Наши взгляды встречаются. Всего на секунду.
Но мне хватает того, чтобы испытать тихий ужас. Я резко захлопываю дверь и прижимаюсь к ней спиной. Сердце колотится так, что звенит в ушах. Прислушиваюсь.

Тишина. У меня из легких вырывается облегченный выдох со свистом. Дура. Чтоб тебя! Зачем открыла дверь? Зачем...

И вдруг тихий стук. Я вздрагиваю и отшатываюсь от двери, как будто меня ударило током. Смотрю на полотно круглыми глазами. Дыхание снова застревает где-то в горле.

Стук повторяется, а следом раздается голос:

— Даня! Это Джек! Ты там?

Голос молодой. Чужой. Не тот, от которого внутри все сворачивается в узел.

Я резко открываю дверь. Передо мной высокий парень в ярко-синем лыжном костюме. Светлые волосы, хитрая улыбка, прищур.

— Даня?! — удивление сменяется, интересом. — Простите, а вы кто? — спрашивает он.

Я открываю рот, но за моей спиной раздаётся голос:

— Привет, Жень. Это тетя Оля. Папина знакомая. У них свет в домике вырубило, они сегодня у нас ночуют, — на легке, будто так между прочим отвечает Даня этому парню.

Молодой человек переводит взгляд на Даню. Потом на меня. Потом за мою спину.

В дверях появляется Артём.

Я инстинктивно делаю шаг назад и притягиваю сына к себе, закрывая его плечом.

— Хе, — усмехается парень. — Вот так поворот.

Даня кивает.

— Ладно. Понял. Тогда не мешаю. Потом с папой поговорю.

Прощается со всеми, но смотрит на меня до последнего.

— Хорошего вечера, — говорит он, и дверь закрывается.

— Это кто был? — спрашиваю тихо.

— Новый владелец базы, Евгений Евгеньевич, — со смешком отвечает Даня. — Недавно вернулся. Из-за границы.

Мальчишки почти сразу теряют интерес к разговору. Уходят в спальню, и через минуту оттуда уже слышны звуки игры.

Я тоже возвращаюсь в комнату. Сажусь на край дивана, беру пульт и начинаю бездумно щелкать каналы. Снаружи

воет ветер. Дом слегка скрипит. И через эти звуки, до меня вдруг доходит, что я застряла здесь надолго. После таких снегопадов вряд ли дорогу расчистят за пару дней.

Щелчок замка, эхом разносится по номеру. Я вскакиваю, и подхожу к окну, как будто ищу пути отступления подсознательно.

В дверях появляется Игнат. Я резко выдыхаю.

— Оль, все в порядке, — говорит спокойно. — С Громым вы здесь не пересечетесь. Восточное крыло, куда его поселили с отдельным входом. Этот коридор хозяйский, гостям тут нельзя находиться.

Я киваю. Вроде как все поняла.

— Хотите кофе? — предлагает он.

— Пожалуй да.

Мы сидим на кухне. Игнат говорит, что ему нужно будет уйти, проверить обстановку. Так объясняет мне, что на ужин, можно будет сварить пельмени. Они в морозилке. Но Данил, если что, сможет мне помочь во всем разобраться. Еды обычной нет в номере, так как обычно они едят в столовой.

Я слушаю молча, не задаю вопросов, потому как надеюсь, что в номере Игната мы надолго с Артёмом все же не останемся. Я так задумалась, что не сразу пресекла вопрос Игната про Громова. Про Артёма. И про то, что между мной и Громым образовалось какое-то недопонимание. У меня внутри все напрягается.

— Игнат. Я вам в который раз говорю, — отвечаю резко.
— Я не хочу это обсуждать. Мы сами разберемся. Хорошо.
Он больше не давит. Мы сидим молча. И когда тишина
начинает давить, я встаю.

— Я пойду, — говорю и ухожу в спальню. Игнат не оста-
навливает.

Дверь закрываю тихо. Не на замок. Так как Артём рядом,
в соседней комнате.

Снаружи ветер бьет в окна, еще громче агрессивней, ощу-
щение такое, что сейчас вылетят стекла.

Не включая свет, снова занимаю место у окна. Беру пульт
и снова начинаю щелкать каналы. Это меня немного успо-
каивает, как и смех мальчишек за стеной. Громкий, живой.
Они как будто дают понять, что этот вечер самый обычный.

Только где-то на подсознание скребется мысль о том, что
для меня это не так.

Вы с Грозовым не пересечетесь - всплывают в голове сло-
ва Игната.

Мне бы хотелось поверить. Очень. Но я слишком хорошо
знаю Марата, чтобы так глупо обманываться.

Если Марат здесь, рядом, значит -это не вопрос *если*, это
скорее вопрос *когда*.

Но мысль не останавливается не дает передышки. Она
тянется дальше, цепляя за собой самое неприятное, самое
опасное: *Марат думает, что я с Игнатом.*

И теперь под ударом не только я, но и он. Ревность Ма-

рата, это не просто вспышка, и не эмоция. Это смертоносное оружие, которое он умеет использовать по назначению. Я уже проходила это однажды. И слишком хорошо помню, чем такие мысли у него заканчиваются.

Глава 7

— Спасибо, мам, — встает из-за стола Артём, за ним следом Данил.
— Пельмени, огонь, тетя Оль, спасибо.
Мальчишки ставят тарелки в раковину.
— На здоровье, — отвечаю им. — Время уже позднее. Давайте, заканчивайте свои игрушки и будем укладываться спать.
Говорю и одновременно подхожу к раковине, чтобы сразу помыть посуду.
— Мам, ну давай ещё немного. Полчасика? Договорились? — Артём смотрит на меня тем взглядом, от которого тает весь мой решительный настрой. Ну как он так умеет?
— Договорились. Ровно в десять, вы выключаете игру.
— Класс! — мальчишки бегут галопом в комнату Данила.
Вода в раковине шуршит. Я намываю чужие тарелки на чужой кухне. И на секунду все кажется нормальным, я себя чувствую почти счастливой. Но стоит мне задуматься, как в голове все переворачивается, и возвращается страх, в роли Марат. Он не должен приблизиться к Артёму. Никогда.
Когда испачканная посуда заканчивается, выключаю воду, иду в спальню Игната. Тут все пропитано его энергией, его запахом, его присутствием. Чувствую внутренний дискомфорт. В моей жизни уже давно нет мужчины, поэтому все запахи и вся мужская атмосфера мне чужды. Знаю, что, возможно, это неправильно, и я буду сожалеть в будущем, что вовремя не позаботилась, о том чтобы обзавестись

мужем. Но мой внутренний страх оказаться снова в клетке не дает мне подпустить к себе мужчину ближе, чем на вытянутую руку.
 За этими странными мыслями, которые крутятся в голове, я расправляю постель. Диван огромный, его даже не нужно раскладывать, мы с Артёмом и так на нем уместимся. Когда все готово, беру пижаму, которую мне дал Игнат, и иду в ванную. Быстрый контрастный душ немного сгоняет напряжение. Натягиваю на влажное тело одежду, которая мне велика, и выхожу в коридор. Смотрю на часы, которые хорошо видно с моего места. Ровно десять. Я только открываю рот, чтобы позвать Артёма, как вдруг свет моргает и гаснет. Номер погружается в темноту.
 — О, блин! — слышится из комнаты Данила, разочарованные голоса.
 Я улыбаюсь. Все складывается один к одному. Плохо или хорошо, пока не известно. Свет снова мигает и загорается.
 — Мам! Так нечестно! — кричит Артём и выходит из комнаты. — Мы чуть-чуть не успели доиграть.
 На пороге за Артёмом показывается Даня.
 — У вас еще будет целое завтра. Так что не расстраивайтесь. Быстро в ванну по очереди. И укладываемся спать. Сегодня был тяжелый день. Правда, правда, — киваю головой, когда вижу возмущенные лица мальчишек.
 — Мам, ты такая смешная в этой пижаме, как будто лилипут, — хихикает Артём, проходя мимо.
 — Правда, правда, — подшучивает Даня, копируя мои слова и мой тон.
 — Если не замолчите, получите, — шутливо грожу им пальцем. — В ванну быстро.
 Подтал-

киваю в спину Артема, чтобы быстрее шел и дабы избежать дальнейших разговоров, сама скрываюсь в комнате.
 Я не ложусь сразу. Жду Артёма. Сын заходит в комнату спустя десять минут. Волосы влажные, глаза горят. В руках несет пижаму.
 — Даня дал, сказал, что ему уже маленькая, и я могу вообще ее забрать, если понравится. Мам, можно? Мне нравится, — я улыбаюсь, но внутри все сжимается. Мне неприятна эта ситуация, и не потому, что я как-то против того, чтобы Даня отдал вещи, которые ему малы Артёму, а потому что мальчишки слишком быстро сдружились, а это неправильно. И меня это пугает. Так не должно быть, я этого не планировала.
 — Давай, зай, переодевайся и будем спать.
 Артём быстро сменяет спортивный костюм на пижаму. И сразу же ныряет под одеяло. Я выключаю свет и ложусь с ним рядом. Обнимаю его, прижимаю к себе.
 — Всем спокойной ночи, — слышится голос Дани из коридора. — Добрых снов.
 — И тебе, Даня. Добрых снов и спокойной ночи, — отвечаем с Артёмом в унисон.
 В комнате наступает минута молчания. И в этот момент у меня в груди вдруг происходит что-то странное, появляется какое-то ноющее чувство, что я обнимаю Артёма, чувствую его тепло, а он мое, а Даня? Даня один. И тут рождается ненужный, но такой очевидный вопрос: где его мать? Почему Игнат воспитывает ребенка один?
 — Мам, — шепот Артёма меня возвращает обратно. Я качаю головой, как будто это поможет выкинуть ненужные мысли из головы.
 — Да, зай,

— сжимаю его сильнее, целую в макушку. Я так люблю, когда могу насладиться его близостью. Сын уже взрослеет и не часто дает мне себя тискать, а я скучаю по этим объятиям и ласкам. Поэтому сейчас не упускаю ни единой возможности насладиться этим чувством.
 — Ты знаешь, а мне нравится Даня. И папа его нравится. А тебе?
 У меня воздух застревает в горле. Вопрос “что?” беззвучно застывает на губах.
 — Мам, ты спишь, что ли? — не успокаивается сын.
 — Нет, — хрипло отвечаю.
 — Ну так что скажешь? Тебе нравится дядя Игнат?

— Артём, если ты сейчас же не закроешь глаза и не уляжешься, я обещаю, что следующие тридцать минут буду целовать тебя не переставая, — начинаю медленно, угрожающе привставать на локоть, так чтобы сын почувствовал мой самый решительный настрой.
 В голосе появляется та самая наигранная материнская строгость, за которой всегда прячется нежность. Наш с ним ритуал. Мой способ сказать: *зайка я рядом, я с тобой.*

— Нет, нет, я все понял, замолкаю, — сын зарывается лицом в подушку. И как настоящий мужчина, не идет вразрез своим словам, держит слово, замолкает.

Я лежу рядом, прислушиваюсь к его дыханию. Считаю вдохи машинально, как делала это, когда он был совсем маленьким. Тогда мне казалось, что если я перестану считать, что-то обязательно случится.

Сначала он дышит поверхностно, часто, потом дыхание

постепенно выравнивается, становится глубоким. Я немного успокаиваюсь вслед за ним и тоже закрываю глаза. Мое тело расслабляется, как будто мы все еще связаны одной невидимой нитью: пока он спокоен, я тоже могу себе позволить расслабиться.

Нужно поспать... прогоняю эту мысль в голове несколько раз, дышу ровно и уже почти проваливаюсь в сон, когда вдруг:

— Мам, а знаешь, где Данина мама? — голос Артёма в тишине бьет по нервам.

Внутри что-то резко обрывается, будто меня дернули за оголенный нерв.

Я мгновенно просыпаюсь окончательно и, открываю глаза. Сын смотрит на меня, подложив под голову ладонь.

— Артём, ты меня под конец решил убить?

— Нет, мам, просто ты знаешь, я так рад, что ты у меня есть. Я просто сейчас задумался... Знаешь, вот ты меня лежишь обнимаешь. На улице жуткая погода, а мне так спокойно, — от его слов по позвоночнику бегут мурашки, каждый волосок на коже встает дыбом. Он проговаривает то, о чем я только что подумала. Как он это узнал? Или почувствовал? — Потому что рядом ты, а у Дани мама умерла, представь. Это ужасно, мам.

Ком в горле поднимается медленно, давит, мешает дышать.

— Артём, мне очень жаль, что с Даней такое произошло.

Но зачем ты мне это говоришь? Я не могу понять. Ты хочешь, чтобы я плохо спала? Или ты хочешь сказать, что сильно любишь меня?

Я проговариваю это со смешком, но он нервный. Мне неприятно то, какие чувства во мне поднимает этот разговор.

— Даня сказал, что его мама сорвалась с горы. Это было зимой, они ходили в поход, — Артём игнорирует мои вопросы и продолжает. — Он сам видел.

Зима. Горы. Холод. Эти слова рисуют в голове картинку, от которой хочется отвернуться, но не получается.

— Артём, прекрати. Я не хочу это слышать. Давай спать.

Мой голос звучит жестче, чем я хотела. Это не злость, это страх. Потому что эта тема слишком близко подбирается к тем местам во мне, которые я годами держала закрытыми.

— А ты знаешь, мам, как Даня скучает по своей маме. Он так про нее рассказывает...

— Артём, — говорю настойчивее, чтобы он остановился. Я начинаю злиться.

— Мам, — но Артём даже не двигается, переводит взгляд на меня и смотрит прямо, в упор. — А ты бы смогла Даню полюбить так же, как меня?

Я не отвечаю сразу. Сердце болезненно дергается, будто спотыкается. Этот вопрос слишком взрослый. Слишком откровенный. Это меня добивает, становится последней каплей. В груди так сжимается, что кажется сейчас просто

не справится с функцией насоса.

Я хватаю Артёма в охапку, прижимаю к себе. Прижимаю слишком сильно, будто боюсь, что он исчезнет. Лежу так несколько минут, сын даже не шевелится.

— Нет, Артём, — наконец говорю я. — Я буду честна с тобой. Так же, как тебя, я никого полюбить не смогу. Да и вряд ли вообще кого-то смогу полюбить.

Наш разговор обрывается, потому что щелкает замок и дверь открывается. И этот звук ставит точку.

В ту же секунду в коридоре появляется Даня.

— Пап, ну наконец-то, я заждался.

Я слышу, как они проходят на кухню, но прежде чем уйти, Даня заглядывает к нам в комнату и закрывает дверь. Комната погружается в крошечную тьму.

— Жаль, мам, — не унимается сын. Его голос уже сонный, мягкий. — Но с другой стороны у Дани есть папа, у меня нет. Тут все честно, наверное. Как ты думаешь?

— Я думаю, что нужно спать, Артём.

Дальше никаких разговоров не было. Я чувствую, как Артём уснул, а сама еще долго лежу без сна, прислушиваясь к разговорам между отцом и сыном за закрытой дверью. Слова неразборчивы, шаги тихие. Не знаю, сколько времени проходит, прежде чем все в номере окончательно затихает. А все ворочаюсь, мысль о матери Данила так и не отпускает. Как бы я ни гнала от себя вопросы, они уже залезли под корку и начали мучить: когда произошла эта трагедия? Кто

была жена Игната? Сколько ей было лет? И были ли у него отношения после ее гибели?

И вдруг перед глазами всплывает образ блондина, который с интересом смотрел на меня и на Артёма. По его взгляду можно наверное сделать вывод, что отношений у Игната не было, уж очень удивлен был моим присутствием в номере Игната блондин.

Так, Оля, уговони свою фантазию и не думай ни о чём, — даю команду своим эмоциям. — Ты скоро отсюда уедешь, у тебя самой столько нерешенных вопросов, а ты думаешь совершенно не о том. На кой чёрт тебе сдался Игнат и его жизнь?

Я переворачиваюсь на бок, плотнее кутаюсь в одеяло и зажимаюсь, будто это может отрезать мысли.
 Сон накатывает не сразу: рвано, урывками, и где-то между полудрёмой и реальностью тревога все еще держит меня за горло.

Я просыпаюсь не сразу. Сначала до уха доходит глухой звук. Потом второй. Третий. И только потом понимаю, что это стук. В дверь.
 Я лежу, не двигаясь, и несколько секунд просто слушаю, пытаюсь понять: сон это или нет. Сердце начинает биться быстрее, когда стук повторяется. Уже настойчивее.

Кто-то стучит в дверь. Я приподнимаюсь на локте, осторожно смотрю на закрытую дверь. Вслушиваюсь в тишину, жду шагов Игната, но их нет, зато стук снова повторяется уже громче.

Чёрт.

Я медленно встаю, босыми ногами ступаю по полу. Холодно. Передернув плечами, я выхожу из комнаты, подхожу к двери. Стук повторяется так неожиданно, что вздрагиваю и быстро оборачиваюсь на спальню из которой только что вышла. Да этот незванный гость детей перепугает.

— Кто? — спрашиваю тихо, но четко.

Пауза. Я хмурю брови. На секунду мне кажется, что там вообще никого нет. Но вдруг из-за двери доносится мужской голос:

— Игната Алексеевича позови.

Вот так просто: без *пожалуйста*, без объяснений. Меня коробит от тона и от фамильярности. От того, что это вообще выглядит по хамски.

Я сжимаю пальцы, делаю вдох. Очень хочется ответить резко. Сказать, например: а не пошел бы ты....*люди вообще-то спят в такое время*. Но вместо этого выдыхаю. *Я не дома. И это не моя территория*, тут же приходится напомнить себе.

Я разворачиваюсь, для того, чтобы дойти до комнаты Данила и разбудить Игната, и... Зависаю.

— Оля?

Игнат стоит в проеме: босиком, в темных спортивных штанах, низко сидящих на бедрах. Футболки нет. Голый торс. Широкие плечи, крепкая грудь с редкой темной расти-

тельностью, от которой вниз, между рельефными мышцами, тянется узкая полоска волос. Ниже, у пупка, она становится гуще и расходится темным треугольником. Ни грамма лишнего веса. Мышцы под кожей перекачиваются лениво, когда он делает шаг вперед.

Игнат проводит ладонью по лицу, задевая щетину, трет глаза, будто только что вынырнул из сна, и в этот момент выглядит слишком... незащищенным, застигнутым врасплох посреди ночи. А я не могу отвести взгляд от рук. Они у него сильные, с выступающими венами.

На секунду у меня перехватывает дыхание. Совсем чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы тут же разозлиться на себя за эту реакцию.

— Там кто-то пришел, — говорю я и сама слышу, как голос звучит не так ровно, как хотелось бы. — Спрашивают вас. Громко стучали. Я побоялась, что детей разбудят.

Он кивает. Сонное состояние быстро сходит на нет.

— Хорошо.
Потом смотрит на меня внимательно.
— Но в следующий раз сразу будите меня. Договорились?

Я смотрю на него, не отводя взгляда.

*Какой следующий раз.
Я вообще завтра хочу отсюда уехать.*

Но вслух отвечаю совсем другое:

— Договорились.

Игнат подходит к двери, открывает.

На пороге стоит мужчина в темной куртке. Я его уже видела, это один из охраны. Он держится прямо, но видно, что ситуация не рядовая.

— Игнат Алексеевич, — говорит он тихо, но быстро. — Тут дело такое... У Громова проблемы. Нужна ваша помощь. Срочно.

Я замираю. Фамилия врезается в голову, как выстрел.

Игнат не задает вопросов. Только медленно выпрямляется, и я чувствую, как меняется воздух вокруг.

— Какие именно проблемы? — спрашивает он ровно.

Охранник бросает короткий взгляд в мою сторону.

Я не двигаюсь.

— Игнат Алексеевич, меня в известность не поставили.

Глава 8

Утро наступает чересчур внезапно и резко. Открываю глаза от шороха, который раздаётся где-то рядом. Поворачиваю голову. Никого. Шорох повторяется, и только потом доходит: это движение за закрытой дверью. Рука шарит по дивану. Пусто. Артёма нет. Проснулся?

И будто в подтверждение моей мысли за дверью слышу шаги босых ног. Слишком частые, чтобы быть взрослыми. Потом шепот. Такой, который по идее должен быть тихим, но на самом деле отлично слышен.

— Тсс... ты чего так громко...
 — Я тихо! Это ты...

Следом что-то падает. Не с грохотом, но достаточно громко, чтобы я дёрнулась и поняла: пора вставать, пока эти двое не разнесли весь номер.

Внутри будто по щелчку включается режим: *я ж мать*.

Сажу на диване, пытаюсь собрать себя по частям и понять, как поднять ещё сонное тело, когда из коридора доносится:

— Даня, ты чего плед взял? Это мой был!
 — Он вообще-то общий.
 — Нет, он вчера на диване лежал!
 — И что?
 — То!

Я выдыхаю через нос: *Пора. Давай, поднимайся уже, Оля...*

По голосам понятно: они где-то между кухней и прихожей слоняются. Не могут выбрать точку дислокации, поэтому за-

нимают сразу все возможные пространство.

— Артём, ты чего командуешь? — слышу спокойный, почти ленивый голос Дани. — Прямо как папа.
— Потому что если ты будешь топтать как слон, мама проснётся, — шипит Артём. — И тогда все. Конец.
— Она и так проснется, — хихикает Даня.
— Нет, и хватит ржать!
— Я не ржу.
— Ты сейчас ржёшь.
— Я дышу.
— Очень громко дышишь!

— Боже... ну за что мне это... — бормочу, поднимая взгляд в потолок.

Откидываю волосы назад. Собираю их в хвост. Завязываю резинкой (я ее всегда ношу на запястье). Покачиваясь, поднимаюсь с дивана и подхожу к двери. Толкаю ее. Дверь открывается почти бесшумно. Картина предсказуемая.

Артём стоит посреди прихожей с подушкой в руках, явно собираясь использовать ее как аргумент. Даня опирается плечом о стену: спокойный, собранный, с таким выражением лица, будто он уже лет пять как взрослый и просто позволяет другим быть детьми.

— Так, — говорю негромко.

Они оборачиваются одновременно.

— Мам... — выдыхает Артём, будто его поймали с поличным. — Мы тихо.
— Очень, — кивает Даня.

Я смотрю на них пару секунд. Не ругаюсь. Просто смотрю.

— Сколько времени, ребят?
— Восемь, — без раздумий отвечает Артём. — Но мы же тихо. Ты чего встала?

Можешь еще поспать, — хмурит брови, точь-в-точь как я. Даня давится улыбкой.

— Да что ты. Давай мне тут не указывай. Ладно. В ванной кто-то был?

Оба отрицательно качают головами.

— Прекрасно. Значит: я первая, вы за мной по очереди. Договорились?
 — Да без проблем, — спокойно отвечает Даня.
 — Мам, раз ты проснулась, мы можем телик включить?

— Можете. Только кровать уберите, — вздыхаю и направляюсь в ванную, освобождая пространство для детей.

Пятнадцать минут уходит на то, чтобы привести себя в относительный порядок. И даже почти довольная выхожу в прихожую.

— Я все. Кто следующий? — заглядываю в комнату Игната.

Мальчишки переглядываются, вскидывают кулаки, выбивают: камень, ножницы, бумага... Артём идет первым. Проходит мимо, я чмокаю его в щёку. Он морщится, но поцелуй принимает и исчезает за дверью ванной.

А я остаюсь посреди прихожей и вдруг ловлю себя на том, что автоматически поднимаю с пола брошенный плед, подушку, носок: откуда он вообще взялся?! Отношу все на диван. Поправляю подушку. Одергиваю плед.

...Стоп. Одергиваю уже себя.
 Это неправильно. Я не должна вести себя так, будто живу здесь. Я в гостях. В гостях.

Вбиваю эту мысль в голову, как гвоздь молотком.

— Мам, — вырывает меня из мыслей Артём.

— Уже все? — удивленно приподнимаю бровь. — Тебе двух минут хватило?
— Пяти. Этого достаточно. Я мужчина, а не девочка, мне там прихорашиваться не надо.

— Боже мой... — делаю шумный вдох. — Ты чего сегодня такой токсичный?

Взъерошиваю ему чёлку и прижимаю к себе.

— Потому что ты не давала мне всю ночь спать. И я не выспался.
— Вот значит как?!
— Да! Ты знаешь, что ты меня чуть не задушила?! — округляет глаза, явно усиливая эффект.

— Серьезно? — подыгрываю ему и тяну на кухню, потому что разговор становится слишком громким, а мне совсем не хочется разбудить Игната. Я прекрасно слышала, что он вернулся только через несколько часов после ночной встречи с Грозовым.

— Да, мам. Ты меня так сжимала... прям очень. Прям как медведь. Это было страшно. Я думал всё, наступил мой конец, — опускает глаза, пряча улыбку, и удрученно качает головой.

— Ладно, малец, не звезды, — толкаю его плечом в сторону стула.

— Даня, — зову, не заметив, чтобы он пошёл в ванную после Артёма.

Так и есть. Даня появляется в проеме комнаты.

— Тебе особое приглашение нужно? Мы же договорились: по очереди и завтракать.

— Да я уже иду, — он направляется в ванную, но на пороге оборачивается, задерживает взгляд.

— Что-то случилось? — спрашиваю.

— Я думал, мы папу подождем. Мы всегда завтракаем вместе, — говорит глухо.

И почти сразу после его слов слышу щелчок дверного язычка. Шаги. Даня уже скрывается в ванной, будто смутившись сказанного, а Игнат появляется на кухне.

В футболке, в тех же спортивных штанах, что и ночью, с кружкой в руке. Не выспавшийся, немного хмурый, но собранный. Он окидывает взглядом кухню, задерживается на Артёме, потом на двери ванной, и только потом на мне.

— Доброе утро, — говорит ровно.
 — Доброе, — отвечаю так же.
 — Доброе утро, — зеркалит нас Артём.

Игнат кивает, ставит пустую кружку в раковину, прислушивается.

— Даня, я так понимаю, в ванной?
 — Да. Только что зашёл, — отвечает Артём вместо меня.

— Отлично. Значит, следующий я? Или тут очередь? — приподнимает бровь, смотрит на Артёма, потом снова на меня.

Дыхание сбивается. Чтобы не выдать себя, начинаю суетливо что-то делать. Беру первое, что попадает под руку. Его кружку.

— Очереди нет. Мы уже были с мамой в ванной. Так что можете заходить, — снова спасает ситуацию Артём.

А я и хотела бы что-то сказать, но язык будто прилип к нёбу. Меня смущает и выбивает из равновесия сам факт, что я с утра на одной территории с мужчиной, которого почти не знаю.

Мою кружку. Набираю воду в чайник. Ставлю, включаю. Тянусь за сковородкой — хочу сделать омлет. Яйца и молоко в этом холостяцком номере есть, видела вчера.

— Оля, — Игнат останавливает меня, перехватывая запястье.

Я неожиданно спокойно реагирую на прикосновение: не дергаюсь, не возмущаюсь. Просто останавливаюсь и поднимаю глаза.

— Да? — голос проталкивается сквозь плотно сжатые губы с трудом.

— Что вы делаете?

Он смотрит сверху вниз, и именно в этот момент я остро ощущаю, какой он большой. И насколько это выбивает меня из колеи.

— Я... омлет хотела сделать. Я видела, — киваю на холодильник, — там есть яйца и молоко.

— А. Теперь понятно, — он разжимает пальцы, отпуская мою руку, а кожа все еще горит от его прикосновения. — У вас просто такой вид был, будто вы собирались использовать сковородку не по назначению, а как оружие, для отпугивания

непрощенных гостей. Я даже немного испугался.

Артём, до этого молчавший, вдруг заливается смехом.

— Да нет, конечно! — встряхиваюсь, беру себя в руки, дергаю подбородок вверх.

Игнат давится улыбкой.

— Артём, прекрати! Ты всех соседей разбудишь! — на-
кидываюсь на сына и ловлю взгляд Игната. Тот поднимает
руки и пятится к двери ванной.
— Если что, тут нет ни-
каких соседей.

— Спасибо, учту, — прищуриваюсь. — Особенно это
важная новость с учетом того, что по дому разгуливает опас-
ный преступник со сковородкой и яйцами.

Артём хохочет так, что буквально падает на стол. А я толь-
ко после этого понимаю, какую глупость сморозила.

Чёрт.
Чёрт.

Жар приливает к щекам.

— Всегда пожалуйста, Оля, — не переставая улыбаться,
Игнат жметсЯ к двери ванной. — Даня! Ты долго еще? Папе
очень надо!

— Пап, ну я же моюсь... — высовывается голова Дани в
приоткрывшуюся дверь.

Игнат, заметив мое воинственное состояние, просто от-
крывает дверь шире, сдвигает сына и исчезает внутри.

Даня, не понимая, что происходит, смотрит то на меня, то
на смеющегося Артёма.

— Теть Оль, а вы что будете делать?

— Омлет, — отвечаю коротко. — Будешь?
 Он быстро кивает и исчезает за дверью.

Я остаюсь посреди кухни. Растерянная. Смущенная.

Смотрю на Артёма, на его горящие глаза, светящееся лицо, и понимаю, что начинаю злиться на то, как *кто-то* легко, одной, совсем неостроумной шуткой, занял место в нашем утре.

Завтрак я готовлю быстро. Движения отработанные годами: достать, разбить, размешать, поставить на плиту. Я не думаю о вкусе, не думаю о том, понравится или нет. Просто делаю. Потому что так проще не думать сейчас ни о чем другом.

Даня выходит из ванной первым. Волосы еще влажные, он на ходу вытирает их полотенцем, что-то говорит Артему тихо, вполголоса, я даже не разбираю слов, но слышу его смех. Артём тут же подхватывает, начинает спорить, доказывать что-то свое, жестикулируя так, будто перед ним не кухня, а целая толпа людей.

Я кидаю взгляд на дверь ванной. Закрыта. Игнат все еще там.

Накрываю на стол: тарелки, кружки, хлеб. Я сажусь не сразу: облакачиваюсь на столешницу, слушаю, как мальчишки болтают между собой, перебивая друг друга, и ловлю себя на том, что мне... спокойно. Но спокойствие сменяется тревожным ощущением, когда выходит Игнат.
 Вроде бы ничего в нем не изменилось та же: футболка, спортивные шта-

ны, щетина. Но у меня внутри что-то шелкает. Он будто чувствует, мое растеряное состояние. Кидает быстрый взгляд на детей, потом на стол, и только после этого смотрит на меня. Ничего не говорит. Просто кивает. Я тут же отворачиваюсь и снимаю скороду. Раскладываю по тарелкам готовый омлет.

Мы с Игнам завтракаем молча. А ребята наоборот: шумят, смеются, спорят о какой-то ерунде. Игнат пару раз одергивает их: спокойно, без раздражения и укоризненных слов. Я же почти не ем. Ковыряюсь вилкой в омлете, вслушиваясь в разговор, который происходит между мальчишками, и не могу удержаться от того, чтобы не глянуть на Игната. Уверенный, спокойный, сосредоточенный на еде. Он выглядит так, как будто внешние раздражители его совсем не волнуют.

Раускую взгляд и обращаю внимание на движение рук, замечая, что у него есть привычка отставлять кружку точно на одно и то же место. Да, что за черт! Зачем я пялюсь на него? Быстро отвожу взгляд, упираюсь в тарелку. И стараюсь как и он, сосредоточиться на омлете.

Когда с завтраком покончено, я уже тянусь за пустыми тарелками, чтобы убрать их со стола, но останавливаюсь, так как Игнат поднимается, несколько секунд стоит, смотрит на меня в упор, будто что-то решает про себя, потом произносит:

— Оля. Одевайтесь. Нам нужно поговорить.

Глава 9

Я одеваюсь быстро. Можно сказать по-армейски. Джинсы. Свитер натягиваю на голое тело... Все. Да и выбирать не из чего, вся моя одежда осталась в домике. Здесь только то, в чем была вчера.

В прихожую мы выходим почти одновременно. Игнат уже в теплой куртке, застегнутый, собранный. Он скользит по мне взглядом.

Я подхожу к вешалке, тянусь к куртке, но он опережает. Снимает ее разворачивает, держит так, чтобы мне было удобно просунуть руки в рукава. Я на секунду зависаю. Меня смущает его жест. Казалось бы такие простые вещи не должны вызывать никакой реакции, но в моей жизни они случаются так редко, что я не сразу понимаю, как к ним относиться.

Игнат, делает вид, что не замечает мою заминку. Ждет, когда я соберусь и помогает надеть куртку. Без лишних вопросов, так, как будто это действие для него само собой разумеется. Но когда его пальцы вдруг на мгновение касаются моего плеча, я ловлю себя на том, что забываю вдохнуть.

— Спасибо, — говорю тише, чем собиралась.

Он кивает, на лице ни одной эмоции, а у меня внутри сбой. Маленький, но ощутимый.

— Пойдемте, — Игнат выходит первым я за ним.

Спускаемся вниз.

В холле людно. Публика разная, все смешались: гости, персонал, кто-то в форме, кто-то в куртках. Все что-то говорят. Суется. Бегают туда сюда. Не разобрать что происходит и что всем нужно.

Игнат мгновенно включается в работу, так как к нему тут же подходят люди с вопросами. Он всем отвечает четко, по делу. Следом раздает указания. Кого куда направить. Что проверить. Где усилить контроль. Голос ровный без тени сомнения в том, что делает и что говорит.

Я держусь рядом. Молчу. Наблюдаю за ним и кожей чувствую взгляды. Не гостей, а персонала. Я мельком смотрю по сторонам, и замечаю, чуть дольше задержанный взгляд.

 Чье-то чрезмерное любопытство. Чье-то молчаливое “а это кто с ним?”.

Я все это чувствую и машинально расправляю плечи. Хочу зачем-то показать им, что мне плевать на их “внимание”. Когда Игнат отдает последнее распоряжение, мы наконец-то выходим на улицу.

И вот тут у меня вырывается:

 — Да чтоб тебя...

Перед нами не просто сугробы, а белые стены. Машины не видно вообще. Ни моей. Ни соседних. Все занесено так, что невозможно понять, где что было еще вчера.

 Сердце ёкает, когда взгляд цепляется за домик, в котором мы остановились. Он по крышу утонул в снегу. Будто его просто стерли с карты.

Игнат поворачивается ко мне.

— Я не хотел говорить раньше. Вы должны были сами это увидеть. В ближайшее время отсюда никто не уедет.

Пауза.

— Единственное, что я могу сделать, это помочь вам связаться с вашей знакомой. И предупредить о задержке.

— У меня телефон в домике, — отвечаю сразу. — И номер я не помню.

— Название отеля знаете?

— Да... — замолкаю на мгновение. Не уверена, что хочу, чтобы он знал обо мне чуть больше. Но и выбора у меня сейчас нет. — “Горный Ветер”. Это в тридцати километрах отсюда.

— Серьезно? — Игнат вскидывает бровь. В тоне проskalъзывает ирония, и мне она не нравится. — А ваша подруга говорила, что это сеть отелей.

— Нет, — начинаю раздражаться. — Она сказала, что именно туда, где она сейчас работает, набирают персонал.

Он хмурится.

— Оля, скажу честно, это не лучший вариант для сезонной работы.

И вот тут меня задевает.
Вспыхиваю мгновенно: зря сказала, зря вообще начала с ним этот разговор. Лучше бы добралась до телефона и всё решила сама. Без его советов.

— Света ездит туда не первый год и не жалуется, — выпаливаю резко. — И в данный момент, Игнат, я не спрашивала

вашего совета. Спасибо, что приютили, но не нужно лезть туда, куда не просят. Я с этим разберусь сама. Вы либо помогаете, либо нет. Вопрос закрыт.

Говорю быстро. На одном дыхании, и, не сбавляя внутреннего градуса, продолжаю:

— Где можно взять лопату? — кидаю на него упрямый взгляд.

Он молчит. Смотрит так, будто я для него “шутка какая-то”. Я не отвожу глаз. Жду ответа.

— Оля, простите. Вы правы, — тяжелый вздох, а дальше уже спокойным, взвешенным тоном: — Я действительно лезу не в свое дело. И никакая лопата вам не нужна, не придумывайте. Для этого здесь есть мужчины...

— Игнат, — перебиваю. — Где мне взять лопату? Мне нужно знать, что с моей машиной. Мне нужен телефон. Мне нужна одежда. Просто дайте лопату. Я не хочу ждать.

Снова пауза. И снова его взгляд, который говорит больше любых слов. Давит. Бьет по нервам. Заставляет злиться еще сильнее.

— Игнат Алексеевич, — слышу за спиной голос, от которого воздух выбивает из легких, а по позвоночнику проходит ледяная судорога.

Мы с Игнатом оборачиваемся одновременно.

В дверях стоит Марат. За ним двое его охранников. У меня каждый волос на теле становится дыбом. Нет. Только не это! Почему сейчас? Здесь? Опять?

Его взгляд скользит по мне, не задерживаясь, словно меня здесь вообще нет, и останавливается на Игнате.

— Вы слышали, — произносит он спокойно, без нажима.
— Дама настроена решительно. Выдайте уже ей лопату.

В словах Громова нет и намек на просьбу. Там чистый, неприкрытый сарказм. И попытка задеть сразу двоих. Челюсть сводит, я сжимаю зубы, так, что слышу скрип.

Игнат не отвечает сразу. Плечи остаются неподвижными, но я кожей чувствую, как рядом с ним сгущается напряжение.
Он смотрит на Марата ровно. Холодно. Без эмоций. Как будто перед ним не чудовище, которое может уничтожить все живое к чему прикоснется, а обычный гость турбазы.

Марат переводит взгляд на меня. Медленно. Оценивающе, как будто ждет моего ответа.

— Игнат Алексеевич, не переживай, я пока побуду здесь, — продолжает он тем же тоном. — На случай, если эмоции Ольги возьмут верх, и она захочет ринуться в бой с голыми руками. Я смогу ее придержать, — уголок его губ едва заметно дергается. — С импульсивностью у вас, Оля, как я понимаю это семейное?!

Слова ложатся точно под кожу, туда, где и так все оголено. Я сжимаю пальцы в кулаки, но взгляда не отвожу. Какой же он подонок. Хочет вывести меня на эмоции через сына? Или наоборот запугать?

Игнат делает вдох. Глубокий. Контролируемый.

— Лопату принесут, — говорит он ровно. — Я распоряжусь.

Поворачивается ко мне. В его глазах нет ни извинений, ни оправданий. Там вообще ничего нет!

И в этот момент я понимаю, как сглупила, и поставила Игната в такое положение, что он поступает со мной именно так.

— Игнат... — открываю рот, чтобы сказать, что передумала.

Но слова застревают в горле, потому что он круто развернувшись уходит и даже не оборачивается. Я смотрю ему вслед. Мозг в агонии. Тело трясет. Я понимаю, что с каждым шагом, который удаляет Игната от меня, я остаюсь одна. Без выхода из ловушки, в которую угодила по собственной глупости. Внутри все холодеет. Скрип снега под ногами Игната, тише. Еще тише. И когда он исчезает из виду, я вдруг отчетливо понимаю: мы остались с Маратом один на один. Сердце колотиться в груди с такой силой, что кажется сейчас вырвется наружу, переломав все ребра.

Марат делает шаг вперед. Я кожей чувствую его приближение. Интуитивно ощущаю как будто под ногами разверзнутся врата ада. Громов останавливается слишком близко.

— Ну вот, — говорит, глядя прямо на меня.

Я поднимаю глаза. Живот скручивает в тугой, болезненный узел.
— Теперь можем поговорить, — кривит рот в оскале, обнажая белый ряд ровных зубов. — Без свидетелей.

9.2

Он стоит слишком близко. Не вплотную, но на таком расстоянии, где уже чувствуется чужое тепло, но еще рано отступить, потому что он может воспринять это как слабость.

Я не двигаюсь, даже плечами стараюсь не повести, хоть лопатки сводит так, что отдает в челюсть, а пальцы сами собой сжимаются в кулак, прорезая мягкую плоть ногтями до боли.

— Нам не о чем говорить, — отвечаю ровно. Держу тон, чтобы не дрогнул, но взгляд всё же уходит в ту сторону, куда ушел Игнат.

— Твой защитник?

Я тут же поворачиваюсь к нему. Наши взгляды скрещиваются: коротко, жестко, будто на секунду сцепились лезвиями. Уголок его губ едва заметно дергается.

— Слабоват.

— Прекрати, Марат. Это не твое дело. И не вмешивай этого человека сюда.

— Оль, ты серьезно думаешь, что мне интересен этот безопасник? — усмешка... и следом взгляд в упор. Шаг чуть ближе. Я чувствую, как пространство между нами сжимается, будто воздух становится плотнее. — Он для меня всего лишь пешка на шахматной доске. Не более.

— Если это так, то зачем весь этот цирк, Марат? — говорю

быстрее, чем собиралась. — Всё прошло. Давно забыто. У тебя своя жизнь, у меня своя. Давай оставим все как есть. Ты можешь сделать вид, что нашей встречи не было. Я уеду отсюда при первой же возможности. Глаза тебе мозолить не собираюсь.

— Остановись.

Он склоняется к моему лицу так резко и неожиданно, что я закрываю глаза и все-таки делаю этот маленький, предательский шаг назад. Под подошвой что-то хрустит, нога едет. И в этот момент я понимаю это проигрыш.
Марат чувствует его мгновенно. Как охотник, который почувствовал слабость дичи, которую загонял. Я открываю глаза. Взгляд хищника. На губах оскал. Все, как десять лет назад.

— Марат. Я тебя прошу... не надо, — делаю еще шаг назад и отступаюсь.

Ботинок скользит. Я не удерживаю равновесие и падаю на колени, с силой ударяясь о ледяные ступени. Воздух выбивает из легких.
Марат даже не шелохнулся.

Я сижу, почти не дыша. Боль накрывает волной: тупая, глухая, расползается вверх по ногам. В голове шумит, пульс бешено отбивает дробь в висках. Упираюсь голыми ладонями в ледяной порог, пытаюсь подняться, но тут же замираю, когда перед глазами появляются мужские ботинки.

Меня резко дергают вверх за капюшон.

Воротник впивается в шею, из горла вырывается сдавленный хрип.

— Отпусти, ненормальный. Больно, — машу руками, хватаюсь за воздух.

Толчок в спину. Фиксация сильной рукой. Меня держат так, будто я кукла, а не человек.
 И только когда я чувствую твердую поверхность под ногами и наконец «заземляюсь», вижу перед собой Громова. Руки в карманах. Взгляд хмурый. Отстраненный.

— Аккуратнее нужно быть, — басит он, а потом кивает тому, кто держит меня. — Отпусти, Дим.

Как только чувствую свободу, сразу делаю шаг назад. Потом еще один. Увеличиваю расстояние.

— Марат, ты что хочешь? У меня ничего нет! — я уже не сдерживаюсь, почти кричу.

— Оля, прекрати истерику, — говорит он спокойно. — Люди неправильно поймут. Зачем ты устраиваешь представление?

— Я не устраиваю, — отвечаю сразу, но все же сбавляю тон. Инстинкт подсказывает: сейчас не время злить его...

И тут же в мозгу, что-то щелкает и меня вдруг накрывает понимание: он не приближается. Не трогает. Не давит. Он ждет.

Проходит несколько минут тишины. Колени горят, пальцы немеют, мороз медленно пробирается под куртку, но я не двигаюсь. Боюсь спугнуть эту паузу.

Громов говорит первым.

— Оля, я задам тебе один вопрос.
 Он смотрит прямо,

взгляд застыл.
 — Ты должна ответить честно.

Я гулко сглатываю.

— Надеюсь, ты помнишь, — продолжает он, — что я не люблю, когда мне врут. Этот урок ты должна была запомнить. На всю жизнь.

Сердце сбивается с ритма. Я уже знаю, каким будет вопрос. И уже знаю, что скажу не правду, а то, что спасет.

— Артём, — произносит он тихо, — это мой сын?

Я хоть и ожидала этого вопроса, но все равно он меня выбивает из равновесия. Стою, не моргая, не двигаясь, как будто заледенела. Меня давит тишина, которая становится плотной, почти осязаемой, как будто нас накрыли стеклянным колпаком, и воздух внутри закончился.

Я чувствую, как она давит на грудь, мешает вдохнуть, будто воздух вокруг вдруг стал тяжелым. Колени ноют: сначала глухо, потом все настойчивее. Холод пробирается уже выше, под куртку, к пояснице, к животу.

Я стою и считаю удары сердца, они слишком громкие, слишком частые. Кажется, Громов их тоже слышит. Кажется, он вообще слышит во мне все.

В голове мелькают обрывки мыслей, рваные, несобранные: сказать «нет», сказать «да», сказать что угодно, лишь бы он ничего не заподозрил и я понимаю, что это не мысли, а чистый инстинкт самосохранения. Животный, тот самый, который когда-то уже спасал мне жизнь, но всегда требовал за это слишком высокую цену.

Но я так же понимаю: любое неправильное слово, любое сомнение в голосе и это будет сродни шагу по минному полю. И я слишком хорошо знаю, что он ждет этого шага, потому что он наклоняет голову чуть вбок, совсем немного. Этот жест знакомый до дрожи, так он делал всегда, когда уже все понял, но ждал, *как именно* я сломаюсь. Я сглатываю.

Во рту сухо, будто я не говорила уже несколько часов, будто язык стал чужим.

И только сейчас до меня доходит: он задал этот вопрос не для того, чтобы услышать ответ. Ему не нужны мои слова. Он задал его, чтобы увидеть реакцию.

— Марат, Артём, мой сын... — я не успеваю договорить предложение, как дверь резко открывается и на порог вываливает Кира.

На ней лыжный костюм. На голове шапка. На руках варежки. Она в моменте замирает на пороге, видя меня. Сначала взгляд растерянный — она явно не ожидала этой сцены. Она не понимает, что происходит, а потом, когда наконец до неё доходит, что мы стоим с Маратом вдвоем, без лишних людей, без свидетелей, ее лицо перекашивает гнев. Она прожигает меня глазами, как будто вместо зрачков у нее лазерные лучи, и в этом взгляде нет ни капли сомнений, только собственническая ярость.

— Маратик, котик, что тут происходит? — голос высокий от злости, в крайней ноте прослеживается истерический подтекст.

— Ты что тут делаешь? — Громов резко поворачивается к блондинке, хватая ее за локоть, предотвращая попытку девушки обнять его.

— Ой, коть, больно же, — хмурит брови Кира, смотрит на Громова с показной обидой.

— Зачем вышла, Кира? — снова повторяет мужчина, все свое внимание переключив на блондинку, как будто меня здесь и нет.

— А она что тут делает? Почему вьется вокруг тебя, эта же мать того звереныша, который разбил в машине стекло?!

Адреналин бьет в кровь с такой силой, что у меня темнеет в глазах.

Звереныша?!

Да как у этой дряни язык повернулся такое говорить о ребенке? Совсем с головой больной своей не дружит? В первый раз я ей простила эту выходку, тогда было не до разборок. Но второй раз - это уже перебор.

Я забываю о коленях, на которых, скорее всего, уже проявились гематомы, и о том, что за ее спиной стоят два бугая-охранника, и о том, что за следующие мои возможные действия мне придется отвечать. Все это в один момент отходит на второй план.

Делаю несколько рваных шагов в сторону парочки и, пока те выясняют отношения между собой и как будто забыли о моем существовании, хватаю блондинку за рукав, дергать со всей силы и залепляю ей звонкую пощечину:

— Следи за своим языком, кукла силиконовая...

— Коооть!!! — следом разрывает воздух дикий рев.

В ушах звенит. Эта дрянь пытается до меня дотянуться, но ее держит Марат, меня же от них оттаскивает бугай-охранник, скручивая руки в узел.

— Отпусти! Меня! Отпусти! Я ей сейчас все волосы по-выдергиваю! — орет блондинка как резаная свинья.

Во мне сейчас такой кураж, что страшно.

— Успокойся, — осаживает девушку Громов, перехватывая её за талию. Она машет руками в воздухе.

А я чувствую, как скалюсь в ответ. У меня внутри такой калейдоскоп эмоций, что, наверное, я была бы даже рада тому, если бы Громов все-таки отпустил эту дрянь и ради профилактики я бы задала трепку этой кукле, чтобы в следующий раз ей было неповадно открывать свой ядовитый, грязный рот.

— Дура, радуйся, что тебя держат. Иначе тебе в ближайшее время пришлось бы идти к косметологу, чтобы он поправил твой фейс повторной процедурой...

Рычу в ответ и вдруг ощущаю, как между лопатками что-то начинает хрустеть. Я тихо вскрикиваю, прикусываю губу до крови. Этот грёбанный охранник свёл мои руки ещё сильнее — видимо, чтобы показать, кто здесь в позиции силы.

— Да я тебя засужу! Слышишь, ты! Грязная нищесбродка! Марат! Ты слышишь, что она говорит? Почему ты не заткнешь ей рот?! Если боишься, отпусти меня, я сделаю это

сама!

— Что тут за цирк вы устроили?

Голос Игната разносится эхом по пустынной территории, заваленной снегом.

Все одновременно поворачивают головы в ту сторону, откуда доносится его голос. Он останавливается в нескольких шагах от нас. За спинами охранников его приближение было не видно, но теперь я ясно вижу у него в руках лопату и перчатки.

— Это не цирк! А покушение! — не перестает орать Кира. — Что у вас тут за контингент, Игнат Алексеевич? Вы посмотрите, что она натворила!

Она дергает головой и демонстрирует ту сторону лица, на которой яркой пятерней горят мои пальцы.

Я молча наблюдаю, как у Игната на мгновение дергается бровь. Но лишь на миг. Потом его лицо моментально становится каменным.

— Сначала ее сынок разбил нам стекло, а теперь эта ненормальная кидается на меня с кулаками! Меры приниматься будут?! Их изолируют до приезда полиции?!

— Боже, Кира, да замолчи ты, — тихо, с рычанием перебивает ее Марат. — Что за бред ты несешь? Дим, проводи ее в номер.

Охранник на секунду мешкает, это тот самый, который до сих пор держит меня.

— Отпусти ее, — кивает на меня.

— Марат! Как ты можешь?! Ты хочешь сказать, что эта девка останется безнаказанной?!

Лицо Киры меняется, на глазах появляются слезы.

— Я поговорю с Ольгой, — спокойно говорит Громов. — Думаю, она поняла, что поступила неправильно. И принесет тебе извинения.

— Что?! — всхлип звучит настолько театрально, что я не сдерживаю ухмылку. Меня отпускают, я тут же тру запястья и расправляю плечи. — Да у нее ни в одном глазу нет сожаления, она даже улыбается, Марат! Посмотри!

Киру прорывает, она начинает плакать навзрыд. Я же делаю шаг назад, потом еще. И только сейчас осознаю: мы на улице уже давно не одни. В дверях стоят люди. В окнах тоже. Любопытные взгляды липнут к коже.

— Кира. Ты успокоишься, и потом мы все обсудим, — голос Громова звучит с нажимом. Девушка опускает плечи, но взгляд, который она кидает на меня, горит ненавистью.

— Оля, — Игнат встает рядом со мной. Я понимаю: в этот раз я не дожусь от него поддержки. Осуждение - да. И к этому я готова.

Потасовка с Кирой зарядила меня неправильными эмоциями, работающими на инстинктах, а не на зрелых, взвешенных решениях.

— Что произошло?

Он не смотрит на меня. Я не смотрю на него. Я наблюдаю,

как уводят Киру.

Как только дверь за ней закрывается, взгляд Громова снова останавливается на мне.

— Ольга, я не могу оставить твои действия безнаказанными. Игнат Алексеевич, как понимаешь, это уже не разбитое стекло. И Ольга не ребенок. Так что пойдем поговорим. Ольга, тебе придется ответить за свой поступок.

— Что? Ты... — я спотыкаюсь на слове, чувствуя, как взгляд Игната метнулся ко мне. — То есть *вы*, Марат, считаете, что вашей даме можно открывать рот и оскорблять моего сына?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.